

18+

ИРИНА ИЮЛЬСКАЯ

**ЛЕНОЧКА,
ИЛИ АННА
КАРЕНИНА
НАШИХ ДНЕЙ**

Ирина Июльская

**Леночка, или Анна
Каренина наших дней**

«Издательские решения»

Июльская И.

Леночка, или Анна Каренина наших дней / И. Июльская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969667-0

Эта книга — собеседник, помогающий раскрыть и понять происходящее с героиней романа Леной Крылевской из интеллигентной семьи, искренней, трепетной, жаждущей большой любви и уставшей от ее долгого ожидания. Боль от первого проблеска зарождающегося чувства, внезапная потеря отца, неудачи, преследующие Леночку и, казалось, счастливый и стабильный брак с любящим ее Алексеем. Уколы совести от предательства и чувство вины перед мужем и сыном. Она очень хотела любить и быть любимой, несмотря ни на что.

ISBN 978-5-44-969667-0

© Июльская И.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1 Принцы здесь не ходят	6
Глава 2 Книжная девочка	8
Глава 3 Первое свидание	12
Глава 4 Встреча	14
Глава 5 Ожидание счастья	18
глава 6 Наряд для Золушки	23
глава 7 Зимняя сирень	26
глава 8 Так хочется любви и счастья	34
Глава 9 Подарить себя	40
глава 10 Ненужный подарок	42
Глава 11 Возвращение из небытия	47
Глава 12 Потеря папы	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Леночка, или Анна Каренина наших дней

Ирина Июльская

Эта книга – собеседник, помогающая раскрыть и понять происходящее в душе главной героини романа Лены Крылевской, начитанной девушки из интеллигентной семьи, искренней, трепетной, жаждущей большой любви... и уставшей от ее долгого ожидания. Боль от первого проблеска зарождающегося чувства, внезапная потеря отца, неудачи, преследующие Леночку и, казалось, счастливый и стабильный брак с любящим ее Алексеем. Уколы совести от предательства, чувство вины перед мужем и сыном. Не будем строго судить героиню этого романа, она очень хотела любить и быть любимой, несмотря ни на что... И не ее это вина, что она буквально «упала в любовь» к женатому человеку и много лет вела двойную жизнь. Постараемся понять ее и принять в своем сердце. Основная идея романа – поиски и обретение себя в любви и творчестве.

© Ирина Июльская, 2023

ISBN 978-5-4496-9667-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1 Принцы здесь не ходят

«Что за выверт человеческого сердца – презирать человека за то, что он тебя любит.

С. Моэм «Узорный покров»

Это уже пятая свадьба, на которой она «гуляет» и с каждым разом ей все грустнее и грустнее... Петля одиночества стягивается вокруг нее тугой удавкой. Ей двадцать один год, она заканчивает институт, а Принца на Белом коне все нет и на Алых Парусах тоже.

Свадьба собрала много родни из деревни с их застольными песнями и озорными частушками. Нет ни одного приличного парня, с которым можно было бы составить пару хоть на этот вечер. Жених Серега говорил о каком-то друге, но тот неожиданно уехал и не пришел на свадьбу.

И вдруг появился он – «Принц на белом коне», чей-то родственник, то ли Наташкин, то ли Сережкин. Уже хорошо подвыпивший дядька в выцветшем старомодном пиджаке,

– Наверное, в папином выходном, как из послевоенной хроники – с усмешкой подумалось Леночке. Дядька занимал за свадебным столом ответственный пост главного разливателя «огненной воды». Рядом с ним стояла огромная бутылка с мутно-белым самогоном, из которой он постоянно подливал гостям. Дядька отлично справлялся со своей обязанностью главного разливателя и строго следил, чтобы у всех стопки не были пустыми.

«Принц», зацепив пьяным взглядом Леночку, тоненькую и бледную, одиноко сидящую в углу комнаты, встал с твердым намерением пробраться к ней через ряд гостей, плотно сидящих за столом. Он раза два чуть не опрокинул свадебный стол, пока добирался до Леночки, чем вызвал недовольные окрики родни. Кто-то даже захотел увести его спать в соседнюю комнату, на что дядька так гаркнул, что все сразу замолчали.

На столе много угощений: квашенная капуста, соленья, посреди стола – огромное блюдо с деревенской жареной птицей и тазик с салатом, горка румяных пирогов, испеченных мамой невесты, тетей Машей.

Дядька или «Принц», но, правда, без коня все же добрался до Леночки и растолкав рядом сидящих, подсел вплотную к ней.

– Ты че грустная такая? Не пьешь совсем? – спросил дядька, вперив в лицо Леночки свои хмельные, налитые кровью глаза. От него несло самогонкой так, что казалось, если поднести горящую спичку, то выдыхаемые им пары вспыхнут, подобно пламени из пасти огнедышащего Дракона.

– За молодых! – он повернул голову в сторону гигантской бутылки, около которой только что сидел, тут только до него дошло, что он оставил свой драгоценный пост и в глазах появился тревожный огонек.

– Подать сюда! – жестом руки он указал на бутылку с самогонкой, затем внимательно приглядевшись к Леночке, смекнул, что подобные барышни самогон не употребляют и потребовал подать для нее вина. Бутылка через множество рук гостей переключалась к дядьке, которого, как оказалось, зовут дядя Миша или просто Миша. Миша налил Леночке в рюмку из желтого стекла вина из бутылки, на этикетке которой была изображена молдаванская пара с гроздьями винограда в большой корзине.

Лена послушно выпила с Мишей на пару. Он – самогон, она – вино. От непривычки быстро захмелела и стала воспринимать происходящее вокруг весело, будто участвовала в КВН или карнавале, а точнее, в балагане. Грусть как-то сразу ушла и Леночке стало смешно, она впервые была на такой свадьбе.

Дядька, совсем захмелевший, стал упорно звать Леночку на танец, но она не могла, просто не умела танцевать на деревенских свадьбах. Но дядька не сдавался, он резко встал и чуть

было не упал на сидящих за столом. Тут деревенские зашикали на него, а он, развернувшись к ним, на всю комнату отвесил:

– Не видите, девушке скучно, я хочу ее на танец вызвать. —

И Лена решилась: – «Эх, была, не была!» —

Они вышли на середину комнаты, где происходили танцы. Все внимание гостей перешло на Мишу с Леной, кое-кто стал прихлопывать в такт. Но тут Миша внезапно потерял свою молодецкую удаль и уткнувшись в плечо Леночки с грустью произнес: – Моя-то померла недавно, один я остался... —

Затем, глядя в лицо Леночки, с робкой надеждой в голосе: – Пойдешь за меня? —

Лена не знала смеяться ей или плакать...

Тут ее осенило и она спросила:

– А у вас конь есть? —

– Чего? – не понял Миша. – Конь? —

– Как дела у вас с конем? Если есть, то пойду. —

Миша накрепко весь свой остаток незатуманенного самогонкой ума, почесал затылок и сказал:

– Конь у меня железный... —

Теперь Леночка была в замешательстве, чтобы это значило...

– Да тракторист я! Конь – это трактор, понятно! —

– Понятно! – улыбнулась Леночка. – Я белого хочу, в яблоках, не надо мне трактора. —

На что, почти протрезвевший Миша ответил: – Купим, вот за посевную деньги дадут и куплю тебе белого в яблоках! —

Глава 2 Книжная девочка

Утро следующего дня разбудило ее солнечным лучом, который заставил открыть глаза. Она села в кровати, увидела свое отражение в висевшем на стене большом зеркале и задалась вопросом:

– И что же со мной не так? Нет, я понимаю, что я вовсе не такая, как Алла Макеева – первая красавица нашего района, а может и всего города, но, по-моему, ничуть не хуже остальных девчонок: Наташки, Светки, Марины. Хотя, нет! Марина, она особенная... Но у всех моих подруг есть ухажеры и они давно встречаются с парнями, а некоторые уже и замужем. А мне двадцать один год, а я все одна. —

Зеркало равнодушно молчало, из него смотрела вполне привлекательная молодая особа; тонкие, почти акварельные черты, длинные, как у русалки пепельно-золотистые волосы, большие серо-голубые глаза.

Леночка встала и на мысочках приблизилась к зеркалу. Утреннее солнце насквозь просвечивало ее ночную сорочку, через его лучи угадывался тонкий девичий силуэт. Вспомнилось, как она однажды спросила у Сереги – одноклассника и Наташкиного воздыхателя еще с первого класса, а теперь и мужа:

– Скажи, что во мне не так? – Помолчав немного и оценивающе окинув взглядом Леночку, он серьезно произнес:

– Ты какая-то неземная... —

Лена всегда чувствовала свою обособленность от окружающих, как будто вокруг нее существует некая стена или преграда. Она ловила на себе взгляды ребят, но они реально боялись к ней приближаться и тем более заговаривать с ней.

Говорят, что у каждого есть своя половинка, надо только распознать ее и вовремя заметить.

Что касается Сереги с Наташкой, это тот самый классический случай, про «двоих из одной песочницы». Общий двор, общий детсад, затем общий класс. Они приросли друг к другу сызмальства, а у Наташки все лицо в рыжих конопушках, да и она сама рыжая, но Серега смотрел всегда на нее и только на нее. Может из-за ее заливистого смеха и острого язычка...

А еще Наташка была самой веселой девчонкой в классе, капитаном КВН и заводилой всех отчаянных выходов. Леночка искренне любила Наташку, ведь когда она, Леночка училась в 5 классе и лежала в больнице, именно она, Наташка привела весь класс под окна ее больницы палаты, чтобы поздравить с Днем рождения. Ребята держали большой разрисованный плакат, на котором большими буквами было:

– Лена Крылевская с Днем рождения! Мы все тебя любим и ждем! —

Сколько лет прошло, а она до сих пор помнит это. В классе Леночка тоже была как-то особняком, нет не сказать, что ее не любили, но она всегда чувствовала себя отдельно от других ребят. И еще, Леночка была отличницей по всем предметам с самого первого класса. Закончила школу с золотой медалью, могла уехать учиться в Москву или тогдашний Ленинград, но осталась в родном городе Вологжанске, поступила в местный педвуз, а там одни девчонки.

Леночка окинула взглядом свою комнату. В этой привычной для нее обстановке, все без изменений, только книг с каждым годом все больше. – Наверное, во всем виноваты книги, они заменили мне реальных людей, научили мечтать и ждать... И еще родители..., вернее мама. Она все боялась, что мне в руки попадет не та книга и зорко следила, чтобы ее дочка не увлеклась слишком рано Мопассаном, Золя, Бальзаком или упаси Боже, Набоковым! Эх, мама, если бы ты знала, как сильно продвинулась наука и техника, а с ними и молодежь, что давно грянула с этими новомодными новинками сексуальная революция и по рукам ходят кассеты с филь-

мами такого содержания, от которых ты, мамочка, схлопотала бы инфаркт, если бы только глянула. Мои «правильные» родители, мама и папа, вам удалось прожить эту жизнь в стерильных, установленных вами правилах и условностях, и меня, вашу единственную дочь, вы тоже хотите видеть такой же. Мне зимой двадцать два года, а я еще ни с кем не целовалась по-настоящему. Позор! Какой позор, мне и самой стыдно. Наташка с Серегой с 7-го класса целовались вовсю, Светка, так та влюблялась чуть ли не каждый месяц, да и сейчас такая же. —

Леночка улыбнулась, вспомнив, как Светка делала свой «фирменный» взгляд и как-то по театральному вздыхала и воздевала взгляд к потолку, кладя обе руки на сердце, – это был верный признак того, что у нее новый роман или он уже на подходе.

Марина, та другая... Как рано в ней начала проглядываться будущая женщина. Всегда стильно одетая, с модными стрижками, подчеркнуто независимая. Она – стопроцентная женщина по своей природе и не важно сколько ей лет... Марина тоже была особняком в классе, она никогда не смеялась весело и громко, подобно Наташке, не была наивно-простодушна, подобно Светке, но была в ней сила природного женского магнетизма, она притягивала к себе взоры мальчишек, парней, мужчин. Скрытная, с не по-детски взрослыми глазами, Марина гипнотизировала собой всех. К девчонкам можно всегда было запросто забежать поболтать, у Марины никто никогда не бывал. За все годы лишь несколько раз она приглашала Леночку к себе домой. Большая квартира в элитном доме, где с самого порога повсюду картины, много картин, среди которых встречались портреты красивой женщины, как оказалось, матери Марины. Картины были написаны известным художником Виктором Раковским, отцом Марины. Воспитывали ее бабушка с дедушкой, родители большей частью жили в Москве, часто бывали за границей. Может поэтому Марина была такой отстраненной и замкнутой, что считала себя покинутой собственными родителями и отправленной из столицы в ссылку в Вологжанск, который она не любила и считала его холодным и чужим. Родители из заграникомандировок привозили ей модную одежду, у нее одной из первых появился видеомэгафон, кассеты и много современных дисков западных исполнителей.

Их квартира показалась Леночке огромной: высокие потолки, большие окна с эркерами, просторная ванная и кухня. Антикварная обстановка квартиры – все указывало на то, что хозяйка этого жилья люди, принадлежащие к элите города. Бабушка Марины была сдержано-приветлива, приглашая Леночку попить вместе чаю, а дедушку Леночка почти не видела, он где-то тихо обитал в недрах их огромной квартиры и редко выходил из своей комнаты. Лишь однажды Леночке удалось увидеть маму Марины. Она появилась всего на минуту в конце длинного коридора и, окинув взглядом Леночку, проплыла и растворилась, подобно видению. Лена была ошеломлена ее красотой, было в ней что-то величественно-царское или королевское. Достаточно было увидеть эту женщину один раз, чтобы запомнить ее на всю жизнь.

Это только в детстве время тянется бесконечно долго. Год кажется вечностью, с его унылой осенью, долгой, темной зимой, а короткое лето, стремительно пролетает мимо, как экспресс, не успеешь оглянуться, как зарядят осенние холодные дожди и за окном все безнадежно уныло и серо. Леночка не любила осень и зиму, несмотря на то, что ее день рождения приходился на зиму и выпадал на начало студенческих каникул. Училась Леночка легко и была первой по успеваемости на курсе, в прочем, она и в школе была отличницей по всем предметам, но общественницей была никакой. Напрасно ее классный руководитель Ольга Григорьевна Осипова или «ОГО», как все ее называли за глаза, а также директриса школы Александра Эдуардовна Стрельникова или «АЭС» долго и безуспешно пытались сделать из Леночки образцово-показательную личность, назначить ее председателем школьного совета учеников и с младых Леночкиных ногтей начать выстраивать ей карьеру на общественной стезе, ведь золотая медаль была Леночке обеспечена. Но, к разочарованию и плохо скрытому неудовольствию АЭС и ОГО, Леночка не проявила к карьере никакого интереса и всячески отказывалась от всевозможных выдвижений ее на общественные посты и должности, ссылаясь на выду-

манные причины и отговорки. По своей природе и складу характера Леночка – интроверт, вещь в себе, несмотря на покладистость и даже кажущуюся мягкость, внутри у нее был стальной стержень. Дома мама, держащая их малочисленную семью под жестким контролем, выдвигала Леночке ряд своих требований, установленных раз и навсегда: отличные оценки, безукоризненный порядок в комнате, опрятный внешний вид и отбой в девять вечера. После восьмого класса Леночка вытребовала себе отход ко сну на полчаса позже под предлогом необходимости просмотра программы «Время», чтобы быть политически подкованной и знать, что происходит в мире. Под таким железным аргументом мама была вынуждена сделать изменение в распорядок дня дочери. Засыпала Леночка почти мгновенно, вставала по будильнику легко. Все было по годам заведенному распорядку: утренний туалет, завтрак и собранный заранее с вечера портфель. По Леночке можно было сверять часы, из подъезда она выходила ровно в 8 часов 10 минут и никогда не опаздывала в школу, благо она была недалеко от ее дома.

Вот в таком, почти армейском распорядке и жила Леночка вплоть до самого окончания школы. После получения аттестата с вручением вполне заслуженной золотой медали и выпускного бала, состоялся семейный совет, где председательствовала мама Надежда Борисовна, а папа Николай Константинович был единственным совещательным голосом. Было решено, что Леночка должна выбрать себе ВУЗ. Если она захочет поехать учиться в Москву или Ленинград, тогда летние каникулы ей придется проводить дома, а если она останется дома и поступит в городской ВУЗ, то родители обещали отправлять ее на отдых в Крым или на Кавказ, а может и за границу. Лена решила не уезжать и остаться с родителями в ее родном и таком уютном городе, пусть и вдали от столиц. Она любила Вологжанск с его тихой провинциальной жизнью, где все было привычно и с детства знакомо. Вот только выбора у нее большого не было, поэтому она и решила поступать в местный педвуз к восторгу АЭС и ОГО, мечтавших заполучить Леночку себе в штат школы, как только она закончит институт.

Время конца 80-х годов прошлого века, – это время надежд на перемены в стране под воздействием свежего ветра «Перестройки» и «Гласности». Как много ждали тогда люди от этих громких заявлений, как жадно читали они газеты и журналы того времени. Сдвинулись льды застывшей реки жизни всей огромной страны, образуя паводки и торосы. В их небольшом, удаленном от столицы городе, поначалу мало что менялось и люди привычно ждали указаний из центра, но все же жизнь провинции начала потихоньку меняться и втягиваться во всеобщий водоворот событий.

Когда Леночка успешно закончила первый курс института, родители, как и обещали, купили ей путевку в Крым. Море, солнце, ароматы цветов, все было прекрасно, но и здесь все повторилось, Лена вновь была одна... Контингент отдыхающих пансионата был таков; в основном семейные пары среднего возраста с детьми, а также пожилые люди, молодежи не было. Молодежь отдыхала не в дорогом для студентов пансионате, а в палатках на отдаленных диких пляжах, где все были в основном по парам, поэтому и на танцы иногда забредали в пансионат тоже парами.

Проходя мимо танцплощадки и отсканировав взглядом присутствующих, Леночка поняла, что здесь, среди танцующих семейных пар и тех, кому за тридцать, прекрасного Принца ей не найти. Она тихо вздохнула и пошла с книгой в удаленный уголок парка, где уютно расположилась на лавочке и погрузилась в свою любимую «Сагу о Форсайтах», которую решила перечитать.

Надо сказать, что читала Леночка с упоением, мысленно переносясь в мир английских леди и джентльменов с хитросплетениями их отношений. Эта книга, к сожалению, почти забытая сейчас, переворачивала сознание и души многих поколений людей всего мира. Книга о любви, преданности, чести и верности. Заслуженная Нобелевская премия за этот поистине великий роман.

Как-то за чтением, Леночка подняла от книги глаза и увидела, что по направлению к ней по аллее парка идет мужчина. Подойдя поближе, мужчина, улыбнувшись представился: – Воронцов Олег Геннадьевич, или просто Олег. – На вид мужчине было лет тридцать, у него были голубые глаза, светло русые волосы, правильные черты лица. Роста он был выше среднего, стройный, со спортивной фигурой. Мужчина поинтересовался как отдыхается Леночке и не скучно ли ей, на что Леночка ответила:

– Нет, не скучно. – И снова уткнулась в книгу с таким заинтересованным видом, что мужчине ничего не оставалось, как вежливо распрощаться и оставить ее одну наедине с ее «Сагой». И так проходил день за днем: пляж, море, парк и когда до отъезда Леночки оставалось несколько дней, произошло происшествие, нарушившее спокойную жизнь в пансионате.

Глава 3 Первое свидание

Солнце с утра лениво поднималось над морем, Леночка любила ловить эти первые ласковые лучи, которые нежно согревали ее тонкую кожу, чуть позолоченную южным загаром. Весь год Леночке не хватало солнца, редкого в ее северных краях, но и жару Лена переносила плохо. Ближе к полудню становилось жарко и Леночка покидала свой любимый уголок на пляже и уходила с книгой в тень парка, где просиживала до обеда. В один из таких дней, когда Леночка собралась перебраться с жаркого пляжа в тенистые аллеи парка, она заметила, что вокруг что-то происходит. Поднялась какая-то суматоха и до нее стали долетать обрывки тревожных фраз: – Человек утонул. Нужен врач. – Лена побежала туда, где столпились люди, на берег моря. На песке лежал мальчик, лет семи-восьми, без сознания, лицо его было бледным с синюшным оттенком. Сквозь толпу пляжных зевак, быстро пробирался мужчина, Леночка сразу узнала его. Да, тот самый, что «помешал» ей читать ее любимую «Сагу». Он опустился перед лежащим мальчиком на колени, пощупал пульс и ловкими, уверенными движениями стал оказывать ему первую помощь. Присутствующие на пляже смолкли и смотрели на это затаив дыхание. Тут подбежал спасатель пляжа, он уже вызвал врача, но Олег Геннадьевич сделал настоящее чудо, изо рта мальчика вытекла розоватая пена, он стал самостоятельно дышать и лицо у него порозовело. Прибыл врач санатория, но его помощь была уже не нужна. Все стали дружно благодарить спасителя, подбежали родители мальчика, они самыми последними узнали о несчастье с их сыном, стоило им ненадолго отлучиться и вот... Отец мальчика долго благодарил спасителя его сына, а мать вытирала слезы на побелевшем от ужаса лице.

Стоявшая в сторонке Леночка, как завороченная смотрела на Олега, на ее глазах вернувшего жизнь ребенку. Из оцепенения ее вывел сам Олег, когда поднял на нее свои ясные глаза и широко улыбнулся белозубой улыбкой. Он подошел поздороваться с Леночкой, как будто они были давно знакомы. Оказалось, что уже завтра он уезжает домой, в Москву. Настала зыбкая пауза, Лена все еще не могла отойти от увиденного. Олег Геннадьевич первым прервал молчание:

– А знаете что... у меня предложение отпраздновать сегодня чудесное спасение мальчика, которого зовут Антон, а заодно и мой отъезд, поэтому приглашаю Вас, Леночка посидеть со мной где-нибудь в уютном ресторанчике с видом на море. Как вам такое предложение? – с легкой улыбкой спросил Олег. Лена замешкалась, растерялась, но решила не отказывать герою-спасителю. Она никогда раньше не была на свидании и ни с кем не ходила в ресторан. И еще... ей нравился этот человек, нравилось, как он говорит, как улыбается. Поэтому в тот же день, ровно в 18 часов, как они и договорились, Леночка появилась в условленном месте, у грота в парке, в своем лучшем платье из тонкого сиреневого шифона, которое трепетало под легким ветерком, как и душа Леночки. Ветер играл ее длинными русыми волосами, доходящими ей до пояса. А он шел к ней навстречу, сильный, стройный, выглядевший гораздо моложе своих лет. На нем были ладно сидящие джинсы и белоснежная рубашка с короткими рукавами, открывавшими сильные, загорелые руки, покрытые золотистыми волосками.

Первый раз в жизни Леночка почувствовала волнение в груди при виде мужчины, такого взрослого, уверенного в себе. Весь этот вечер она чувствовала себя настоящей леди, окруженной заботой и вниманием своего рыцаря. Олег был безупречен, открывал перед Леночкой двери, пропуская ее вперед, внимательно изучив меню, поинтересовался какое вино ей заказать. Леночка, совершенно ничего не смыслившая в винах, разрешила сделать заказ на его усмотрение. Весь вечер она пила коктейль, сделанный на основе Мартини, как посоветовал ей Олег. Оркестр играл мелодии в стиле блюз, как нельзя лучше соответствующие настроению Леночки. Ей льстило внимание Олега, она ловила на себе взгляды присутствующих и ей это было приятно.

Легкий вечерний ветерок приносил приятную свежесть с моря. На небе зажглись крупные южные звезды, лунная дорожка на морской зеркальной поверхности делала этот вечер поистине волшебным. Они танцевали с Олегом медленный танец и Леночка впервые была так близко к мужчине. Он одной рукой держал ее за талию, а она почти уткнулась лицом в его плечо, от которого исходил приятный аромат дорогого парфюма.

Оказалось, что Олег родом из ее краев, тоже вологжанин, путевку купил в той же турфирме, что и Леночка, поэтому они и встретились здесь. После окончания московского медицинского института остался жить и работать в Москве. Женат, есть дочь одиннадцати лет. С женой, тоже врачом, поженились еще учась в институте.

– Повезло мальчику, даже страшно представить, что могло бы случиться, не окажись Вы рядом. – Леночка робко заглянула в глаза Олега. Они были так близко, что Леночка разглядела отчетливо: голубые глаза с темно-синей обводкой зрачка и густые ресницы под роскошными соболиными бровями. Волосы волнистые, светлая прядка падала на красивый, высокий лоб. Леночка невольно залюбовалась им. А он смотрел на нее со спокойной улыбкой человека, знающего и хранящего какую-то тайну.

– Парень тоже молодец, проживет теперь сто лет. Конечно, родителям будет наукой, нельзя оставлять одного ребенка около воды. —

На часах было половина десятого, а в десять вечера Олег должен уехать в аэропорт. Пора было покидать этот небольшой уютный ресторанчик на набережной. Олег с Леночкой сели в такси, которое доставило их к воротам пансионата. Они вышли из машины, Олег попрощался с Леночкой и на прощание поцеловал ей руку и щечку.

– Какое интересное сочетание, – подумала Леночка – поцеловал руку, как даме и в щеку, как ребенка. Так вот, они оказываются какие, мои первые поцелуи. —

Олег оставил Леночке свой номер телефона и адрес, на случай если она будет в Москве, пусть звонит и приезжает в гости. Он собственноручно записал свои координаты в ее записную книжку. Почерк у него был размашистый и четкий, что выдавало в нем натуру широкую, волевою.

Глава 4 Встреча

Пролетели последние оставшиеся три дня в пансионате и Леночка вернулась в свой родной старый город по которому успела соскучиться. Вернулась загоревшая, отдохнувшая и похорошевшая. Маме не терпелось узнать познакомилась ли дочка с кем-нибудь на отдыхе, но напрямую спросить ее не решалась. Леночка, по маминым косвенным вопросам поняла, что ее интересуется, поэтому честно и не без горькой иронии, ответила, что ни с кем не познакомилась, да и, вообще, не за этим она ездила. И чего, собственно, ждать от девушки, которая до восемнадцати лет ложилась спать сразу после программы «Время».

Мама как-то грустно и чуть виновато улыбнулась, а наутро подарила Леночке набор импортной косметики со словами: – Пора начинать. – Что она имела ввиду, Леночка уточнять не стала, но шестым чувством поняла, что мама, наконец, смирилась с ее взрослением.

Все годы учебы были похожи один на другой. Как-то незаметно они пролетели, подруги постепенно стали выходить замуж. Лена ходила на эти свадьбы, после которых ей становилось грустно и она чувствовала себя залежавшимся товаром на полке. Некоторые из успешно вышедших замуж приятельниц, стремясь как-то помочь Леночке устроить личную жизнь, старались познакомить ее со своими родственниками и друзьями.

И вот в следующее воскресенье она идет на День рождения Тани, недавно вышедшей замуж однокурсницы, которая решила познакомить Леночку со своим двоюродным братом.

Роберт, так звали парня, с виду тихий и робкий, после двух фужеров с шампанским и медленного танца с Леночкой, взял ее за руку и повел в маленькую изолированную комнату. В комнате была большая кровать, Роберт подтолкнул Леночку и она упала прямо на кровать, а он стал лапать ее своими жаркими и влажными руками. Лена с отвращением оттолкнула «ухажера» и стремглав вылетела из комнаты напрямик в коридор, где начала спешно надевать свою шубку, разыскивая сапоги и сумку среди чужих вещей. Из большой комнаты раздавался смех именинницы Тани, было шумно, играла музыка. Леночка решила уйти по-английски, ни с кем не попрощавшись. Одевшись, она выскользнула из квартиры, тихонько прикрыв за собой дверь. Сбежала вниз по лестнице и вышла из подъезда на улицу.

На улице был прекрасный предновогодний вечер, с черного неба медленно падали крупные снежинки. Леночка вспомнила, как в детстве она любила кружиться, высоко подняв лицо к небу, ей казалось, что она летит среди этого хоровода снежинок. Лена некоторое время так и стояла, подставив лицо навстречу снежинкам, которые даже не таяли на ее бледном лице.

Вдруг вдалеке она заметила приближающуюся фигуру мужчины, а через минуту к ней подбежал огромный ротвейлер. Мужчина окликнул пса:

– Рекс, назад! – Собака остановилась и среди темного декабрьского вечера, Леночка увидела два оранжево-золотистых огонька глаз пса. В голосе мужчины было что-то отдаленно знакомое, Леночке показалось, что она слышала когда-то этот голос. Мужчина быстро приблизился к ней и отсвет фонаря упал на его лицо.

– Не может быть... Олег? Олег Геннадьевич, с которым она познакомилась три с половиной года назад в Крыму! – Я надеюсь Рекс не испугал Вас? – поинтересовался мужчина. – Он с виду грозный, а так милейший пес. —

– Нет, что Вы, совсем не испугал. Я люблю собак. – ответила Леночка. Мужчина, взглянув ей в лицо, широко улыбнулся – Вы Лена? Лена Крылевская? —

– Да. – ответила Леночка. – Я Лена, Лена Крылевская. А вы – Олег? Олег Геннадьевич? —

Они встретились так, как будто и не прошло этих трех с половиной лет, а простились совсем недавно и хотя на улице был зимний предновогодний вечер, на душе у Леночки вдруг стало по-летнему тепло и солнечно. Немного смутившись, она взглянула в лицо Олегу:

– Олег Геннадьевич, а Вы разве не в Москве? —

– Я приехал в город своего детства и юности, по которому соскучился в Москве. И еще, я сейчас нужен своему пациенту, в Вологжанске. Он, к сожалению, серьезно болен, последствия тяжелого инфаркта.

Возникла пауза, тут подбежал Рекс и запросился домой. Короткошерстный, он, видимо, замерз и явно нуждался в домашнем тепле.

– А не зайдете ко мне на чашку чая или кофе? – спросил Олег Леночку, – я живу здесь неподалеку.– Леночка после минутного колебания все же решила, что такой неудавшийся вечер лучше продолжить в компании Олега Геннадьевича, чем прийти домой и выдерживать расспросы мамы почему так рано вернулась с Дня рождения. Но еще хуже понимающе-сочувственные взгляды папы, от которых Леночке становилось еще тягостнее.

Олег жил действительно неподалеку, вернее, последние несколько лет не жил, а бывал наездами в своей огромной квартире, доставшейся ему от отца, известного в городе врача и страстного коллекционера-антиквара. Квартира была обставлена старинной мебелью, полы покрывали тяжелые ковры, много фарфора и бронзовых скульптур, она была похожа скорее на музей, в ней не было следов постоянного человеческого присутствия, все было разложено по местам, каждая вещь была на своем месте. Но главное, что бросилось в глаза Леночке, это множество книг на столах, на полках книжных шкафов, многие были от букинистов, чего не могла не заметить Леночка, корешки и обложки книг указывали ей, что это первые издания.

Олег движением руки предложил Леночке присесть на диван, обитый темно-синим бархатом, который оказался мягким и уютным. На диване было множество синих с золотым теснением атласных и бархатных подушек, рядом располагался низкий марокканский столик, на котором в красивой синей фарфоровой вазе лежали фрукты. Олег спросил голодна ли Леночка, она ответила, что нет, хотя с обеда ничего не ела, но от чашки кофе не отказалась. Олег ненадолго удалился и вернулся с подносом, на котором стоял кофейник с горячим кофе и тарелочки с бутербродами. От бокала красного вина Леночка тоже не отказалась. Олег разлил вино в тонкие фужеры на длинных ножках, затем принес маслины и сыр, любимый Леночкой Камамбер.

Леночка после бокала красного вина и всего этого великолепия согрелась и почувствовала себя в состоянии расслабленности, сказался стресс, который она пережила на неудавшемся Дне рождения Тани. Только сейчас она начала приходить в себя, все глубже и глубже погружаясь в умиротворение и негу. Щеки у нее разрумянились, глаза стали томно-влажными. В комнате был мягкий, обволакивающий полумрак, тихо звучала музыка... Леночка полузакрyla глаза и откинувшись на диванные подушки, почувствовала, что проваливается в сладкий сон. Олег заметил это ее состояние и с полуулыбкой наблюдал за Леночкой, затем тихонько встал, накрыл Леночку пледом и ушел в смежную комнату, где располагался его кабинет с большим письменным столом, поверхность которого была обита зеленым сукном. От большой настольной лампы с абажуром из зеленого стекла шел мягкий свет.

Леночка проснулась минут через двадцать-тридцать, но и за это непродолжительное время она выпалась, согрелась и окончательно отошла от пережитого. Ей стало неловко, что она заснула в гостях. Она тихонько встала с дивана, ноги ее утонули в густом ворсе синего ковра. Дверь в смежный с гостиной кабинет была открыта и Леночка, тихо ступая по мягкому ковру, подошла к двери. Олег сидел за письменным столом, склонившись над бумагами. Мягкий свет лампы освещал его красивое лицо с упавшей на лоб волнистой прядью волос. Он что-то внимательно читал и не сразу увидел, стоящую в дверях Леночку. Заметив ее, он улыбнулся и встав из-за стола, пошел к ней:

– Ну, спящая Красавица, отдохнула? Сейчас будем пить кофе. —

Леночке нужно было в туалет... Олег каким-то чутьем догадался и показал где это находится. Леночка миновала еще комнату, пока, в конце коридора не увидела двери в ванную и туалет, выполненные в лучших традициях итальянского дизайна, что тогда было редкостью.

Леночка невольно залюбовалась большой ванной, стоящей на бронзовых ножках, краны и большие зеркала тоже с бронзовой фурнитурой. Мягкие полотенца, душистое мыло и отсутствие женской косметики на многочисленных полочках. Все предназначалось для мужского пользования.

Леночка обрадованно это про себя отметила и тут же внутренне укорила:

– А почему, собственно это меня так радует? – Лена пристально всмотрелась в свое отражение в зеркале. Из зеркала на нее смотрела девушка, которой нельзя было дать больше восемнадцати лет, хотя совсем скоро Леночке будет двадцать два года, через месяц в январе.

Она вымыла руки над шикарной итальянской раковиной и осушила их мягким полотенцем светло-бежевого цвета, затем расчесала, раскинув по плечам свои дивные русые волосы и вышла из ванной.

Олег в гостиной разливал по чашечкам из тончайшего фарфора горячий кофе, аромат которого заполнял собой всю гостиную. Леночка присела в кресло рядом со столиком, не в силах оторвать взгляд от красивых рук Олега с чуткими пальцами врача. Она подняла глаза и увидела совсем близко его лицо, он улыбнулся своей чуть загадочной улыбкой... вне всякого сомнения, он красив и ему идет этот голубой джемпер, чуть подвернутые рукава открывали его сильные руки со следами бронзового загара, на запястьях которых поблескивал золотой браслет часов. Олег протянул Леночке чашечку с кофе, сел рядом настолько близко, что она ощутила идущее от него тепло и слабый аромат его парфюма. Отпив кофе, вкус которого показался Леночке просто божественным (кофе она обожала), Лена заметила портрет, висящий в глубине комнаты. На портрете был изображен мужчина, одетый по моде 18 века, в парике времен Екатерины Второй. Как оказалось, это был предок Олега по отцовской линии, граф Семен Петрович Воронцов-Хрусталева. Фамилия Воронцов была указана в анкете переписи населения Российской империи в 1897 году. С тех пор двойная фамилия Воронцов-Хрусталева была утрачена, что в какой-то степени спасло от репрессий, последовавших после Октябрьского переворота 1917 года.

Олег подвел Леночку к овальному семейному портрету Дарьи и Петра Воронцовых, написанному сразу после их венчания. Леночка уловила поразительное сходство хозяина дома с его далекими предками: тот же взгляд голубых глаз и рисунок губ. Лицо крепостной Дарьи ничем не выдавало в ней простую крестьянку: грациозная посадка головы, нежные руки, спокойный взгляд умных светлых глаз. Олег и особенно его покойный отец, занимались изучением истории рода графов Воронцовых-Хрустальных и из тех архивных документов, которые им попали в руки, удалось прояснить историю любви молодого графа Петра Петровича и крепостной девушки Дарьи Кольцовой, обладавшей необыкновенным голосом и певческим даром. Старый граф Семен Петрович самолично распорядился отдать девочку на обучение музыке и пению лучшим учителям, она даже училась в Италии, где повидавшие на своем веку много талантов маэстро, были поражены голосом и красотой русской девушки. Когда семнадцатилетняя Дарья вернулась из Италии, они встретились с молодым графом Петром и полюбили друг друга. Старый граф Семен Петрович к тому времени умер, а отец Петра – Петр Семенович своего благословения на этот брак не дал, поэтому молодые обвенчались тайно и от этого союза родился в 1854 году сын Дмитрий Петрович, от которого и пошла ветвь Олега Геннадьевича. Отец Олега был известным на весь северо-западный регион России коллекционером, серьезно изучал историю русского севера, но главное, он был выдающимся, известным на весь край потомственным врачом. Олег пошел по их стопам и тоже выбрал профессию врача, как его дед и отец.

После кофе Леночка украдкой посмотрела на часы, шел десятый час вечера и она засобиралась домой. Неожиданно разговор зашел об истории старейшей школы в городе, которую в 1895 году построил прапрапрадед Олега – Петр Петрович совместно со своим кузеном Даниилом Николаевичем. Жена Петра Петровича, Дарья рано умерла и кроме единственного сына

Дмитрия, наследников у Петра Петровича больше не было, да и не женился он больше после смерти любимой Дарьюшки.

– В 1995 году у школы столетний юбилей. Я уже успею институт закончить. – отметила про себя Леночка. – Я училась в вашей школе, то есть – потупилась Леночка, смутившись, – в школе, построенной вашими предками, и папа мой учился. – добавила она.

– Я тоже в ней учился, ведь я же вологжанин, – не без гордости сказал Олег.

– Как все переплелось... Я ведь собираюсь после окончания института прийти работать в эту школу, более того, дала слово и директору, и своему бывшему классному руководителю, что приду. Надо будет обязательно отметить столетие школы, думаю, что руководство будет только «За». – У вас есть какой-нибудь материал, связанный с предстоящим столетием школы? – Лена явно зажглась этой идеей..

– Да, есть фотографии и документы, если хотите, приходите в любое удобное для Вас время, мой покойный отец занимался историей рода и усадьбы Воронцовых-Хрустальных.

Лена засобиравалась домой, Олег помог ей надеть шубку, они спустились на лифте и пошли к припаркованной во дворе дома машине Олега. Серебристый Мерседес поблескивал при свете уличного фонаря на фоне черного бархата декабрьского вечера. Олег открыл перед Леночкой дверцу машины, сел рядом за руль и они плавно и медленно тронулись с места стоянки, оставляя за собой следы колес на заснеженном асфальте. Лена сидела рядом с Олегом и невольно залюбовалась его точеным профилем и мужественным подбородком. Ворот куртки был не застегнут и Леночку обдало ароматной волной его парфюма с приятной горькой ноткой, она вспомнила... да, тот самый, что исходил от него тогда, в Крыму. У Леночки была отличная память на запахи, она долго хранила воспоминания об этом аромате, но постеснялась спросить название этого парфюма.

Они ехали медленно по пустынным улочкам города. Из окон этой великолепной машины все вокруг выглядело по-провинциальному скучным: дома 60—70 годов типовой застройки, тускло освещенные улицы навевали тоску.

Подъехав к дому Леночки, Олег припарковался около ее подъезда, вышел из машины, открыл дверцу перед Леночкой и подал ей руку, помогая выйти. С минуту они стояли молча глядя друг на друга, возникла небольшая пауза, которую прервал Олег. Он поблагодарил Леночку за чудесный вечер и поинтересовался где она планирует встречать Новый год. Чуть потупившись, Леночка ответила, что будет дома с родителями, на что Олег сказал, что был бы очень рад пригласить ее на Новый год к себе в гости. На прощание он дал Леночке свою визитку и нежно пожал ее руку, обеими своими теплыми руками.

Глава 5 Ожидание счастья

Придя домой и рассеяно отвечая на расспросы мамы, как прошел вечер у Тани, Леночка с облегчением закрыла дверь своей комнаты, ей захотелось побыть одной и погрузиться в свои мысли и раздумья о неожиданной встрече с Олегом. Впервые в жизни у нее возникла перспектива провести новогодние праздники вне дома, с мужчиной, которого она едва знает, но почему-то прониклась к нему доверием и симпатией. В голове Леночки одна мысль сменялась другой, лишь на один вопрос она не могла найти ответ. Почему Олег будет встречать Новый год один, ведь у него есть семья – жена и дочь, которой сейчас лет четырнадцать-пятнадцать. На его руке нет обручального кольца, может он развелся и находится в активном поиске? И чем она может заинтересовать такого импозантного и взрослого мужчину, как Олег... Ему лет тридцать пять, для мужчины возраст зрелости, до старости ему еще далеко. Спортивная фигура с абсолютно плоским животом, походка легкая, слегка пружинистая. Волосы чуть поседели на висках, но глаза ярко голубые, удивительно молодые глаза. Олег несомненно может понравиться любой девушке.

Леночка окинула взглядом свою комнату, в которой ничего не меняется уже много лет. Кругом книги, книги. Вот они стоят на полках, смотрят на нее корешками переплетов. Сколько слез было пролито над Русалочкой Андерсена, Чернушкой Погорельского. Далее идут рядами книги ее юности, ее робких надежд и мечтаний. Собрания сочинений Дюма, Гюго, Стендаля, Грина... Продолжать можно долго. Наверное, в ее одиночестве не последнюю роль сыграли книги, они стали ее лучшими друзьями, с ними ей было интереснее, чем с реальными людьми, хотя есть, конечно, исключения.

Лена поймала себя на мысли, что впервые она задумывается об Олеге, как о мужчине, который разбудил в ней интерес, она решительно хочет видеть его снова, но что у них общего и чем она может заинтересовать такого человека, как Олег? Взрослого, умного, состоявшегося. Интересы... да, например, история создания городской гимназии. Это действительно может их сблизить, помочь лучше узнать друг друга.

Леночка встала с кушетки, взяла со стола свою сумочку, поискала в ней визитку Олега, но не нашла. Она вытряхнула содержимое сумочки на кушетку, пересмотрела все внутренние кармашки. Визитки не было.

– Все правильно, – горько усмехнулась Леночка, – так и должно было случиться с такой росомахой, как ты, Лена Крылевская! Телефон потерял, ему ты свой так и не дала, значит Олег снова «уплыл» в небытие. Появился, как комета, мелькнул яркой вспышкой на черном небе и едва коснувшись, снова улетел в безбрежный космос. А ты сиди одна, Лена, сиди в своей комнате и Новый год встречай с родителями. —

Леночка разделась, погасила свет и легла на свою кушетку, которую ей купили в 6 классе. Кушетка удлинялась по мере роста Лены, она имела специальный выдвижной механизм на колесиках. Лена лежала и смотрела на отсветы уличного фонаря на потолке и ей стало так грустно и одиноко... Она представила огромный глобус, который, вращаясь несется в космосе и если хорошенько всмотреться, то это вовсе и не глобус, а наша планета Земля с ее океанами, морями, континентами... А в маленьком городе огромной страны, ночью посреди зимы с ее метелями, в старой типовой многоэтажке, в небольшой квартире, в маленькой комнате, на кушетке, которая росла вместе с ней, лежит она, одинокая Лена Крылевская... А где-то шумят большие города, бушуют океаны, цветут диковинные цветы, поют невиданные птицы... —

Сердце сжалось в маленький пульсирующий комочек и стало Леночке так грустно, что слезы невольно полились из ее глаз. Так, вся в слезах она и уснула.

Наступило серое зимнее утро, снег прекратился и все было вокруг покрыто белым пушистым покрывалом. Леночка встала, подошла к окну и не увидела ничего нового. Знакомый пейзаж неизменен на протяжении всей ее жизни, те же скамейки, качели в ее старом дворе... Ничего не меняется, лишь по весне дворник красит все те же качели, лавочки, детскую песочницу. Даже краска была только двух цветов: зеленая или голубая. Ну хоть бы раз покрасили желтой или розовой. Смотреть на это год за годом все грустнее и грустнее.

Летом двор преображается, в нем появляются посаженные цветы, да и солнышко по утрам заглядывает в ее комнату. Ох, хоть бы быстрее наступило лето! Весна принесет с собой тревоги и заботы, начнутся госэкзамены, защита диплома, хотя Леночке нечего волноваться, ее диплом уже готов, папа одобрил его, а для Леночки это наивысшая оценка ее труда. В августе-сентябре начнется ее работа в школе...

Леночка побрела в ванную, затем наспех съела завтрак, заботливо оставленный мамой на столе. Надевая шубку, Лена вынула из кармана засунутые накануне перчатки и вдруг на пол что-то упало, Леночка подняла, это была визитка Олега, та самая, которую она считала потерянной, и которая стала причиной ее ночных слез. Леночка скинула сапожки, быстрыми шагами вошла в свою комнату, положила визитку в ящик стола и плотно закрыла его. Все... здесь она будет лежать и дожидаться ее возвращения, здесь она в надежном месте.

Нахлынула какая-то веселость... Леночка быстро надела сапожки, схватила сумку и закрыв за собой входную дверь, с легкостью перышка пробежала вниз по ступенькам все семь этажей, распахнула дверь старого парадного и оказалась на заснеженной улице. Свежий морозный воздух ударил в лицо Леночки, ей показалось, что даже солнышко на секунду протянуло ей свой золотистый лучик и сразу спрятало его за молочной пеленой неба, но лучик был, это Леночка знала точно.

В таком прекрасном, приподнятом настроении Леночка впорхнула в вестибюль института и, взбежав вверх по лестнице, увидела около доски объявлений стайку студенток, обсуждавших главную новость – у них новый ректор. Старого, много лет бессменного ректора, отправили на «отдых», что является по сути дела отставкой в красивой обертке. Василий Игнатьевич Шаповалов проработал в их ВУЗе без малого полвека. Начинать с лаборанта в годы войны, когда его комиссовали после тяжелого фронтового ранения. Николай Константинович, Леночкин отец очень ценил и уважал Василия Игнатьевича, несмотря на большую разницу в возрасте, они были настоящими друзьями. Но вот подули ветры перемен, на их сквозняке многие слетели со своих мест, потеряли должности и не всегда это было справедливо и для пользы дела. В коллективе института появилась новая, «соответствующая времени» группа людей, целью которой являлось перестановка кадров под благовидным предлогом обновления учебного процесса и подведения его под западные образовательные шаблоны. Была обнародована программа по развитию преподавания в институте с учетом современных требований, которая, если отбросить громкие заявления и красивые фразы, сводилась, в основном, к созданию коммерческих отделений с целью пополнить тощий бюджет ВУЗа, а заодно и свои карманы. Снятие ректора в самой середине учебного года – нонсенс сам по себе, а у Леночки это была последняя зимняя сессия, последний этап ее обучения перед уходом на преддипломную практику, далее защита диплома. И все! Конец ее студенческой жизни. Диплом у Леночки был практически готов, на кафедре ее упорно уговаривают продолжить обучение в аспирантуре, но сейчас Леночке не хотелось думать об этом, все ее мысли были заняты Олегом и волшебным ожиданием Нового года в его обществе. Первый раз в жизни Леночка встретит Новый год вне своего дома. Сердце укоризненно защемило, жаль оставлять родителей одних, как грустно, что у них совсем нет родственников, есть только троюродная папина сестра с дочкой Ниной, которая старше Леночки на пять лет, а сама тетя Настя часто болеет и общается с родителями, в основном, по телефону. Хорошим решением для всех будет проводить старый год вместе с папой и мамой. Пригласить Олега, заодно и познакомить его с родителями, а затем уехать

к нему встречать Новый 1993 год. Это успокоило Леночку и она решила, что лучшего выхода ей и не найти.

– Размечталась я... еще ничего не решено, Олег только поинтересовался с кем я буду встречать Новый год, а я уже целый роман с продолжением пишу. А почему бы и впрямь не роман? Мне уже давно пора завести его, буквально через месяц стукнет двадцать два, я заканчиваю институт, может даже поступлю в аспирантуру и что я имею на сегодня? Поцелуй руки и в щеку от Олега... – А от пьяных и грязных поцелуев Роберта у нее свело под солнечным сплетением. Нет, такие поцелуи кроме омерзения и рвотного рефлекса ничего не вызывают, одно только воспоминание вызвало желание хорошенько вымыть лицо и руки. Леночку всю передернуло от этих мыслей.

Но Олег..., Олег впервые вызвал в ней чувство трепетного желания, ожидания чего-то нового и неизведанного. Она решилась и будь, что будет!

Открывая входную дверь в квартиру, Леночка услышала, как зазвонил телефон в глубине коридора. В голове одна догадка сменяла другую:

– Кто звонит? Мама, папа? Но они знают, что я в институте, ведь из-за болезни преподавателя нас отпустили на два часа раньше. – Замок, как нарочно, никак не хотел открываться, а телефон все звонил и звонил. Вот, наконец, он все же поддался, ключ повернулся в нем и Леночка влетела в прихожую, где на тумбочке продолжал звонить телефон. Леночка схватила трубку, словно от этого зависела чья-то жизнь.

Она сразу узнала голос Олега, в голове мелькнула мысль, откуда у него номер их телефона, но трепетная волна от приятного тембра его голоса заглушила все прочее.

– Да, здравствуйте, Олег Геннадьевич! Я только что вошла, извините, что долго не брала трубку... И почему я извиняюсь? – подумала Леночка – В самом деле нужно постараться говорить, как можно спокойнее. —

На другом конце провода Олег поинтересовался, как она себя чувствует, как настроение и какие у нее планы на празднование Нового года. Леночка ответила, как можно спокойнее, что планов никаких, но провожать старый год она будет с родителями. Услышав Леночкин ответ, Олег Геннадьевич поинтересовался, можно ли ему присоединиться к их компании и как отнесется Леночка и ее родители, если он заедет к ним часов 8—9 вечера, они вместе проводят старый год, а затем он похитит их дочку к себе в гости, предварительно заехав по дороге за его друзьями, которые тоже приглашены. Леночка ответила, что это очень хорошая идея и она согласна.

Положив трубку, Лена подошла к календарю, было 28 декабря, завтра будет 29-е, совсем немного времени осталось, все навалилось как-то сразу, надо еще подготовить маму с папой, сообщить, что у них будет гость. Хорошо, что Леночка помогла маме сделать генеральную уборку. В квартире все сияло чистотой, в гостиной уже стояла убранная елка, продукты для праздничного стола закуплены. Кулинар из Леночки был никакой, но это всегда была прерогатива мамы, а она с папой были на подхвате. Папа ходил на рынок и по магазинам за продуктами, нужно еще было суметь достать что-то, полки в магазинах были пусты, кругом очереди, а что творилось с ценами! В магазинах ценники переписывались не менее двух раз в день, цены росли с каждым днем на все товары. Кто жил в 90-е, тот никогда не забудет! Но папе удалось все же купить и деревенского огромного гуся, и другие продукты для праздника. Лена занималась нарезкой салатов и сервировкой стола. У мамы задачи были поважнее: – холодец, гусь запеченный с яблоками и, конечно, пироги – с мясом, капустой и яблоками с их дачного участка. Леночка даже сглотнула от одной мысли обо всем этом. И тут только вспомнила как она голодна и с утра ничего не ела. Настроение заискрилось и Леночка, включив свою любимую музыку довольно громко, чтобы было слышно на кухне, пошла разогревать себе обед. Вчерашние ночные слезы были забыты напрочь, как будто это было и не с ней. Молодость быстро умеет переключаться со слез на смех и наоборот... Еще необремененная заботами о семье,

детях, молодость эгоистична по сути своей, все заиклено на себе любимой, на своих чувствах, эмоциях. И хотя Леночка не считала себя эгоисткой, она была молода и тоже не была исключением из правил.

Быстренько отобедав и помыв посуду, Леночка вспомнила, что ей нечего надеть на Новый год. Она пошла в свою комнату, открыла шкаф и, проведя рукой по вешалкам с одеждой, поняла, что нет ничего такого, чтобы ей хотелось одеть в гости к Олегу. Себя она видела в серебристом, струящемся платье.

– Аккурат под его Мерседес, – внутренне улыбнулась Леночка – ты становишься мещанкой, Лена Крылевская, тебе скоро двадцать два и все эти годы тебя содержат родители. В стране тяжелые времена, у папы стали задерживать зарплату, хорошо, что еще выдали талоны на продовольственный заказ к празднику. А ты размечталась о новом платье, да еще о серебристом под цвет машины Олега. Нет, на новое платье рассчитывать не придется. Спасибо, что родители все эти годы покупали ей путевки на курорты. —

Лена одевалась скромно, не сравнить с дочками местных бизнесменов или простых челноков, ее наряды несколько строги, а попросту, старомодны. Но Леночка никогда не попросит у мамы с папой денег на новый наряд. По магазинам она не ходила и лишь однажды зашла в недавно открывшийся коммерческий магазин, в который появившиеся к тому времени «челноки», сдавали вещи, привезенные с рынков Китая, Турции и Польши. Взглянув на ценники, Леночке реально стало плохо и она быстро вышла из магазина и больше в коммерческие отделы не заходила.

Мысли об Олеге не покидали Леночку. В основном о том, как он придет к ним в гости, а потом увезет ее к себе... Интересно, кто еще придет к нему на Новый год? Наверняка остались старые друзья детства и юности, ведь он родился и провел свои детские и школьные годы в их городе.

Вечером, когда они втроем собрались за ужином в их уютной кухне, под старинным шелковым абажуром, доставшимся им от бабушки, папиной мамы, Леночка сообщила, что у них будет гость на Новый год. На вопрос мамы: – Что за гость? – Лена ответила, что придет ее знакомый, с которым она познакомилась еще несколько лет назад в Крыму. Он – врач, учился и работает в Москве, а в их город приехал понаблюдать за своим пациентом, оказать ему врачебную помощь если понадобится. А заодно навестить друзей и знакомых в городе, в котором родился и рос.

Замолчав, Лена посмотрела на родителей, освещенных светом оранжевого старинного абажура:

– Все же какие они разные... Папа слушал спокойно и внимательно. Мама слушала сосредоточенно, сдвинув брови. – Как только Леночка замолчала, она непререкаемым тоном произнесла:

– Так... мы должны завтра с утра поехать и купить тебе подходящий наряд, туфли и все остальное. – Что она имела ввиду под остальным Леночка уточнять не стала.

– Мама, это не жених, Олег Геннадьевич старше меня лет на четырнадцать-пятнадцать, поэтому мне ничего не нужно, я одену свое шифоновое сиреневое платье или юбку с блузкой, этого вполне достаточно для такого случая. – На что мама покачала головой и сказала, что Леночке давно пора купить праздничную обновку, тем более, что через несколько месяцев будет их выпуск с вручением дипломов, так что все равно нужно что-то купить. А ее сиреневое платье у нее с первого курса института...

– И еще, – сказала мама – тебе обязательно нужно сделать прическу в салоне... только сейчас туда не попасть, праздники на носу, поэтому придется позвонить Ольге Семеновне, чтобы она пришла к нам на дом и сделала нам прически. —

От услуг Ольги Семеновны Леночка категорически отказалась, она недолюбливала ее почему-то, может из-за того, что всякий раз, когда она приходила, чтобы сделать маме химию

и прическу, на все уговоры мамы подстричься и сделать химию с укладкой, Леночка всегда говорила «нет» и быстро исчезала из дома или закрывалась в своей комнате. А грузная, тяжело-лоступающая и давно уже пенсионного возраста Ольга Семеновна, со вздохом шла стричь маму в кухню. После их «процедур» мама приобретала стандартно-ухоженный вид, а кухню долго приходилось проветривать от неприятного запаха химсостава для завивки волос. Леночка раз и навсегда решила, что стричься, краситься и делать химию, она не будет никогда, тем более у Ольги Семеновны. Поэтому и в будни, и в праздники была с одной и той же прической, а именно, с чистыми и пушистыми волосами, распущенными по плечам или собранными в пучок на затылке. Волосы у Леночки были от природы замечательными, золотисто-пепельного цвета, которые делали ее похожей на русалку. Так, что ничего кардинально менять в своем облике Леночка не желала, но на уговоры мамы купить ей новый наряд, она все же поддалась и на следующий день, благо это была суббота, они запланировали поход по магазинам с надеждой купить что-нибудь подходящее для нее.

глава 6 Наряд для Золушки

С утра мама разбудила спящую Леночку со словами:

– Вставай, а то все проспийшь, и так времени у нас мало осталось, а дел еще полно. —

Леночка наскоро позавтракала и они с мамой решили поехать по магазинам, находящимся в центре города.

В отделе готового платья на вешалках висели модели сшитые по устаревшим советским лекалам и ГОСТам. Скользя по ним взглядом, Леночка с грустью посмотрела на маму, пытающуюся разыскать среди этого «мышинного братства» хоть один чудом попавший сюда экземпляр, который можно было бы назвать платьем для коктейля. Одно на бретелях с огромным бантом на боку, неопределенного ядовито-зеленого цвета, мама пыталась уговорить Леночку примерить. Цена неприятно удивила, что совсем не соответствовало ни качеству материала, ни фасону. Лена категорически воспротивилась его примерить и решительно сказала, что такой «наряд» она не наденет ни за что, даже если ей предложат его бесплатно. Продавщица, слышавшая их разговор, подошла и окинув Леночку взглядом профессионала, сказала, что она купила для своей дочки платье на Новый год, но оно, к сожалению, оказалось ей маловато и если они хотят, она может им его показать.

Мама сразу согласилась. Продавщица попросила их не выходить из примерочной кабинки и тихонько просунула в нее сверток. Мама развернула его и осторожно достала из полиэтиленового пакета что-то серебристое, которое в ее руках развернулось и превратилось в настоящее коктейльное платье, нежно поблескивающее тысячами искорок. У Леночки дух захватило, именно о таком она и мечтала. Несомненно, это было платье ее мечты! Быстро сняв с себя свои старые брючки и свитер, Леночка подняла обе руки и мама ловким и уверенным движением облачила ее в это сверкающее серебро. Платье заструилось легким шелковистым трикотажем по Леночкиной фигурке и когда мама застегнула сзади молнию на спине, они обе застыли в немом восторге, глядя на отражение в зеркале примерочной. Из зеркала в полный рост на них смотрела Принцесса, Золушка, собравшаяся на бал... Она искрилась и сияла, а наряд лишь подчеркивал ее красоту и молодость. Лена смотрела и не узнавала себя, разве что волосы были точно ее, а лицо, глаза, губы сияли светом преображения. Лена даже невольно закрыла глаза, потом снова открыла, чтобы убедиться, что отражение в зеркале не пропало и это в самом деле она, Лена Крылевская.

Первой из оцепенения вышла мама, она сказала:

– Берем! – даже не поинтересовавшись ценой. У продавщицы в глазах блеснула хищная искорка, наверное, в этот момент она мысленно прикинула сколько можно взять по максимуму с этих, оторопевших от великолепия наряда, женщин. Она назвала цену, от которой Леночке стало не по себе, а мама сразу погрузилась, но только на мгновение, потом опять произнесла:

– Берем! – на что Леночка решительно возразила: – Нет, мама, это слишком дорого...

Продавщица, смекнув, что рыбка срывается с крючка, достала свой «козырь»:

– Платье сидит, как влитое. Импортное, привозное и вряд ли можно сейчас перед праздником что-то купить даже по этим деньгам. – Это был железобетонный аргумент. Мама отсчитала требуемую сумму и вручила ее продавщице, не дав Леночке опомниться. Затем платье было быстро снято с оторопевшей Леночки, упаковано и продавщица, осторожно озираясь, проводила покупательниц из отдела готового платья, минуя кассу.

Уже вне отдела Леночка, сделав мученическое лицо, прошептала маме:

– Что ты наделала! Это целая зарплата папы за месяц, а ведь мы еще хотели купить туфли. – На что мама ответила, серьезно глядя Леночке в глаза, что в жизни иногда бывают случаи, когда нужно потратиться и иногда от платья зависит и сама судьба.

– Как у Золушки. – подумала Леночка. – Хотя там судьба зависела от туфельки. —

Тут Лена вспомнила, что у нее только одни выходные туфли и то черные, которые не подойдут к такому воздушному великолепию, а только убьют его. Сердце Леночки сжалось, когда в отделе женской обуви, они увидели поредевшие ряды туфель и то для женщин за сорок. Были и какие-то завалившиеся босоножки цвета асфальта. Мама взяла их в руки, рассмотрела и со вздохом поставила обратно на полку. На этот раз к ним никто не подошел и ничего не предложил. Наверное, у продавцов из отдела женской обуви был профессиональный нюх на деньги, которых в кошельке мамы почти не осталось.

Выходя из магазина, Леночка бросила взгляд на как-то сразу постаревшую и ссутулившуюся маму, сердце защемило от нахлынувшей жалости к ней. Вдруг Леночку осенило, она даже остановилась на дороге... Наташка! Наташка была на свадьбе в чудесных серебристых туфельках, а сейчас она – Наташка ходит глубоко беременная и туфли в простое. И еще... Леночка вспомнила, что еще в школе они с Наташкой обменивались нарядами и Леночка частенько выручала Наташку, когда ей нужно было идти на свидание и, главное, у них с Наташкой одинаковый размер обуви 37 или 24! И чтобы успокоить маму Леночка выпалила:

– Мама, мне в голову пришла счастливая мысль! Не надо покупать мне туфли. Я позвоню Наташе и попрошу у нее на вечер ее свадебные серебристые туфли. Они очень подойдут к моему платью. Сейчас придем домой, я позвоню ей и спасибо тебе, мамуля! – Она редко называла ее так, в их семье не принято было сюсюкаться с Леночкой, разве что папа... Папа, тот любил «щенячьи нежности», так называла их мама. Папа приходил и целовал Леночку на ночь, часто уже спящую, но она сквозь сон чувствовала его поцелуи и крепче засыпала, успокоенная, что папа был и поцеловал ее.

Наташка с радостью согласилась дать на прокат свои туфли, вспомнив, что есть еще и сумочка, купленная в комплекте с этим шедевром обуви, маленькая, легкая на цепочке из серебристого металла. Через полчаса Леночка выпорхнула из подъезда Наташки с коробкой в которой лежали эти драгоценности. Внезапные снежинки, вдруг полетевшие с серого низкого неба, серый, затоптаный бесчисленными подошвами снег на тротуаре, все приобрело серебристый оттенок, мир преобразился. Леночке захотелось закружиться вместе со снежинками здесь, прямо посередине мостовой, подняв лицо к небу и раскинув от счастья руки. Но в руках была коробка с ее драгоценной ношей и потом..., если бы она была одна, но вокруг люди, она же не девочка. Да, уже взрослая, пора стать взрослой.

Вечером, лежа в постели, Лена погрузилась в грезы... давно, очень давно она не мечтала под музыку любимой Энии, от звуков которой шли волшебные волны, на которых в своих сладких мечтаниях покачивалась Леночка. В конце концов, она заканчивает институт, она взрослая и ей давно пора прекратить этот затянувшийся период ожидания. Она решила, она сделала свой выбор. Олег! Да, Олег, несомненно он! Ну и пусть, что старше и намного старше. Он красив, он в тысячу раз привлекательней многих молодых ребят, которых она иногда замечала.

– Постой, притормози, Лена. – Встрепенулся Разум – У Олега семья, жена, дочь, ей сейчас лет пятнадцать? Может она тоже студентка? Он женатый человек, опомнись, Лена! Это табу, это тоннель, ведущий в тупик. Лучше и не иди по этому пути. —

Лена даже встала с кушетки, на которой лежала и подошла к окну. За окном все тот же, знакомый с детства пейзаж, только в зимнем варианте. Комната, в которой она росла, кушетка роста, из которой она выросла. Леночка, окинув взглядом свою комнату, впервые ощутила себя узницей в тюремной камере. Ее вдруг затошнило от этого острого и давящего чувства. Пора, пора выбираться из этой клетки, из этого проклятого кокона. Пора прогрызть в нем дырку, вылезти из него, расправить свои крылья и полететь к свету, к любви.

– Любовь ли это? Люблю ли я Олега? – задалась вопросом Леночка. – Не знаю... Но он первый, кто заставил меня мечтать, волноваться, хотеть, наконец. И не желаю я ничего знать о его семье, жене. Я хочу быть просто счастливой и с тем, с кем я хочу. – и, поставив на этом жирную точку в своем сознании, Леночка выключила свет, упала на кушетку и сразу уснула.

Утро следующего дня было таким же серым для всех, но только не для Леночки. Для нее оно было, по-настоящему, радужно-серебристым. Сегодня Новый год! Сегодня к ним приедет Олег, а потом... потом они поедут к нему и пусть все сложится, как сложится. Лежа в постели, Леночка слышала тихие разговоры мамы с папой, они боялись ее разбудить и говорили тихо, почти шепотом.

Леночка сладко потянулась и улыбнувшись, окинула взглядом свою комнату, которая теперь не казалась ей тюремной камерой, пригрезившейся накануне, ведь кругом ее вещи, ее книги, ее игрушки, как можно это не любить, это ее навсегда. Просто с сегодняшнего утра, все это в прошлом, просто детство прошло, сразу так раз... и закончилось, ушло навсегда. Давно пора. Сегодня она другая, нежели вчера.

Леночка скинула с себя одеяло, легко поднялась, не забыв улыбнуться себе в зеркале напротив, подошла к нему на цыпочках, заглянула, и увидев себя в нем в полный рост, осторожно спустила с плеч бретельки ночной рубашки, обнажив маленькую, почти детскую грудь с розовыми сосками. Откинув назад свои длинные русалочьи волосы, невольно залюбовалась собой. Она прелестна в своей девственной красоте. Она подобна утреннему цветку, раскрывшему на рассвете свои нежные лепестки. Леночка слегка погладила себя по нежной коже груди и сорочка соскользнула на пол. Теперь Леночка видела себя всю... через тонкую белую кожу просвечивали голубые жилки.

– Даже и не подумаешь, что у меня кровь красная. – сама на себя удивилась Леночка. Всмотриваясь в зеркало, она искала в себе хоть какие-то недостатки, придирчиво рассматривая свое отражение, но не находила. Разве у русалок из сказки могут быть недостатки? Тем более, что у нее нет русалочьего хвоста, а есть пара стройных ножек с небольшими ступнями и розовыми пяточками.

Лена еще раз окинула себя взором: – Нет с ней все в порядке, такая не может не понравиться. – Волосы подмышками Леночка аккуратно сбривала лет с тринадцати. Лобковые волосы... золотистые, чуть кудрявые и не очень густые. Лена провела по ним ладонью... нет, с этим она ничего делать не станет. А вот ногти на пальцах ступней надо обязательно покрыть серебристым перламутровым лаком. Раньше она это делала только летом.

– Сейчас в душ, а потом займусь ногтями. – Леночка накинула на тело халатик и направилась в ванную, не встретив на своем пути маму с папой, чему была очень рада. Ей захотелось быстрее под живительные струи воды, которые смывают с нее «греховные» мысли, как будто, разглядывая свое тело в зеркале, она занималась действительно чем-то греховным. Леночка встала под сильные струи воды, нанося на себя душистый гель, настоящее немецкое чудо, она обожала этот аромат, он заменял ей дорогие импортные духи, о которых она мечтала, но которых у нее не было. Запах был нежный, но стойкий, держался не менее суток, Леночка использовала этот гель только по особым случаям, экономя его. На этот раз она щедро распорядилась им, покрыв всю себя с головы до самых розовых пяточек и пальчиков, а также потаенных местечек на своем теле.

глава 7 Зимняя сирень

За завтраком родители сидели притихшие, за столом царила атмосфера какого-то напряженного ожидания. Как же! Сегодня дочь впервые покинет их и уедет праздновать Новый год в компании мужчины.

Быстро позавтракав, Леночка спросила маму чем она может быть полезна на кухне и дома? Но тут раздался звонок в дверь, это пришла парикмахерша Ольга Семеновна. Услышав ее голос, Леночка ускользнула в свою комнату, чтобы еще раз не подвергнуться уговорам мамы сделать себе прическу с химией. Леночка не хотела видеть тяжело переступавшую порог их кухни, грузную Ольгу Семеновну, которая как бы не слышала уговоров мамы и давно махнула рукой на свою несостоявшуюся клиентку Леночку.

Весь день прошел в ожидании чуда. Ногти были покрашены серебристым лаком, волосы высушены и заплетены в тугую косу, чтобы потом перед самым приходом Олега заструиться шелковым волнистым водопадом по спине и плечам Леночки.

После 17 часов Леночка начала прислушиваться к телефонным звонкам, но трубку сама не брала, к телефону подходила мама, реже – папа. Звонили все, даже те, о которых уже как-то и подзабыли; знакомые по Коктебелю, сотрудники и бывшие соседи. Позвонили две Леночкины приятельницы, не звонившие сто лет, но Олег почему-то не звонил.

Лена решительно не знала, что делать и чтобы как-то успокоиться подошла к полке с книгами, рука почему-то потянулась к «Незнайке», она вспомнила с каким восторгом читала ей эту книгу мама, когда Леночке было лет пять. Лена открыла книгу и из нее выпал рисунок, который она нарисовала примерно тогда же, в пятилетнем возрасте. На листе бумаги детской Леночкиной рукой был изображен городок, где малыши-коротышки занимались своими делами, Винтик и Шпунтик чинили машину, доктор Пилюлькин шел больницу, а Незнайка в своей огромной шляпе стрелял из рогатки. Лена улыбнувшись, положила рисунок обратно в книгу, закрыла ее и поставила на место, затем посмотрела на часы, на них было без пяти минут девять вечера. Телефон в коридоре предательски молчал.

В большой комнате уже накрыт накрахмаленной скатертью стол, разложены столовые приборы, придвинуты к столу стулья. Елка мигает разноцветными огоньками замысловатой импортной гирлянды. Мама с папой, притихшие смотрят «Новогодний Огонек» по телевизору, но лица у них почему-то грустные.

Вдруг тишину квартиры разрезал резкий, даже какой-то незнакомый звонок их телефона. Мама по привычке дернулась с дивана, готовясь схватить трубку, но Леночка сделала ей знак, чтобы та оставалась на месте и в одно мгновение оказалась у телефона. Она сняла трубку и услышала в ней шум улицы, мобильных еще не было и люди звонили из помещений или телефонных будок, сейчас такое сложно представить. Среди уличных шумов Лена услышала мужской голос, голос Олега. Он говорил спокойно и кратко, что он неподалеку и где-то через 15—20 минут подъедет к ним, затем раздался треск в трубке и гудки.

Леночка вошла в комнату, где на диване сидели притихшие мама с папой, которые всем своим видом ждали от нее команды или распоряжения. Впервые она, их дочь Лена, говорит, что нужно делать, да еще вечером перед Новым годом.

Мама с химией и прической от Ольги Семеновны в своем лучшем платье и папа в брюках от парадного костюма и тщательно выглаженной руками мамы рубашке. Они смотрят на нее и ждут.

Лена, стараясь не волноваться, каким-то чужим, не своим голосом сообщила, что Олег Геннадьевич будет через двадцать минут. Мама с папой встали с дивана, как по команде и начали суетиться, хотя все давно было готово: и гусь с яблоками в духовке, и заливное в холодильнике, и салаты, заботливо приготовленные самой Леночкой. Нужно всего лишь несколько

минут, чтобы все это оказалось на столе. Особенно немного смешно было смотреть на папу, он решительно не знал, что ему делать. Наконец, взял, лежавшую на столе газету и стал ее читать, сидя на диване. Тупо смотреть телевизор ему не хотелось. Улыбнувшись ему, Леночка скрылась в своей комнате, чтобы облачиться в наряд Золушки, едущей на бал. Платье не подвело, оно струилось по Леночкиной фигуре, облекая и подчеркивая девичий стан. Волосы растекались по плечам золотыми струями, легкий акварельный макияж подчеркивал прозрачные серо-голубые глаза и нежный рот. Ножки в серебристых туфельках были великолепны. И вдруг острое чувство голода внезапно дало о себе знать. Лена вспомнила, что весь день ничего не ела с самого утра, кроме ложки салата «Оливье», когда пробовала достаточно ли соли она положила в этот любимый всеми новогодний салат. Но тут ей вспомнилась Мамушка из «Унесенных ветром», которая заставляла Скарлетт плотно позавтракать, чтобы потом не набрасываться на еду перед гостями.

– О, как права была Мамушка! – подумала Леночка и стремглав побежала на кухню к холодильнику, открыв который, она застыла в раздумьях, что собственно, она может прямо сейчас отправить себе в рот, чтобы заглушить чувство голода.

– Оливье? Времени нет. Сыр? Рыбу? Нет, от нее тогда будет пахнуть рыбой и, пришедший с улицы Олег, заметит это.

Схватив большое красное яблоко, Леночка вонзилась в него зубами, подавшись вперед, чтобы не испачкаться брызнувшим соком. Откусив пару раз, она услышала звонок в дверь. Бросив яблоко, она побежала отворять. На пороге с цветами и внушительным пакетом в руках стоял Олег, снег не успел растаять и поблескивал на его шапке и дубленке. Лена пригласила гостя войти в квартиру, он вошел, протянув ей цветы. Такого букета среди зимы Леночка еще не видела. Из красивой упаковки на нее смотрели: тюльпаны, нарциссы и даже ландыши!!! Но поразила ветка белой сирени, издававшая тонкий аромат. Леночка ахнула, пораженная этим чудо-букетом и даже немного забыла про Олега, а он стоял рядом и с улыбкой любовался на нее, на ее восторженную молодость, на золотистые волосы, спадавшие до пояса, на ее улыбку... Это тот самый случай, когда хочется воскликнуть: – «Остановись мгновение, ты – прекрасно!» Лена вдыхала теплые, живые ароматы, исходившие от цветов и подняв на Олега свои восхищенные глаза, прошептала:

– Спасибо... – Затем она указала Олегу где он может повесить дубленку, а после повела его в большую комнату, где на диване близко друг к другу сидели папа с мамой. Родители, как по команде встали. Олег протянул свою руку папе:

– Добрый вечер, Николай Константинович! Мы с Вами встречались, я приезжал к Вам в музей лет восемь назад, я тогда собирал сведения о потомках графа Воронцова-Хрусталева. Я Олег Воронцов.

Папа напряг свои близорукие глаза за толстыми стеклами очков и его губы растянулись в улыбке:

– Как же! Олег Геннадьевич, отлично помню! Очень рад Вас видеть у нас. Очень приятная неожиданность. —

Мама протянула свою руку, на пальцах которой были старинные, еще бабушкины кольца, одно с небольшим рубином, другое с изумрудом. Маникюр от Ольги Семеновны поблескивал в приглушенном свете лампы. Олег бережно поднес ее руку к своим губам. Мама была тронута этим красивым жестом.

– Да, он не изменяет себе, – подумала Леночка, – интересно, как он целуется в губы? – И она улыбнулась про себя какой-то скрытой внутренней улыбкой, которая на миг засветилась у нее на лице. После нескольких фраз о здоровье, женщины пошли на кухню, а папа включил люстру и комната озарилась светом всех двенадцати ламп-свечей. Быстро был накрыт стол и гость был посажен на почетное место слева от папы, а Леночка села рядом с Олегом.

Только сейчас при ярком освещении люстры ей удалось хорошенько рассмотреть его вблизи. До этого она видела его в темноте при свете уличного фонаря, в полумраке салона его автомобиля, в квартире Олега тоже был приглушенный свет от торшера и настольной лампы. Лена увидела, что виски у него уже почти поседели, но волосы были прекрасны, густая, волнистая шевелюра очень украшала его. Небольшой прямой нос, красивые губы, мужественный подбородок с ямочкой, именно такие подбородки и именно с такими ямочками обожала Леночка у мужчин.

Глаза... Олег разговаривал с родителями, его лицо было повернуто к ним, Леночке очень захотелось заглянуть ему в глаза, но все не удавалось. Но вот он повернулся к ней и она увидела его глаза, – большие серо-голубые, как и у нее. Олег что-то спросил и улыбнулся ей, обнажив ряд великолепных белых зубов.

– Да, он несомненно красив, с этим нельзя не согласиться. Ну и пусть ему под тридцать пять, пусть! Он – джентльмен, он – личность, а это главное! Кого из немногочисленных знакомых ребят можно сравнить с ним? Да никого! Олег – лучший! Он – самый лучший! – И Леночка слегка улыбнулась своей внутренней улыбкой, которую никто не заметил у нее, никто, кроме Олега. Он заметил и улыбнулся ей в ответ и они почувствовали себя, как люди, связанные общей тайной.

Олег вспомнил, что в коридоре на столике он оставил пакет, вышел из комнаты, а затем вернулся, чтобы вручить свои новогодние подарки родителям Лены. В пакете был популярный французский коньяк «Наполеон», огромная коробка конфет для Надежды Борисовны. Вручив подарки и поздравив всех с наступающим Новым годом, Олег тихо сказал Леночке, что подарок для нее будет несколько позднее, он у него дома и он вручит ей его сразу после прихода Нового года. Так как Олег был за рулем, то кроме сока ничего не пил. Часы в гостиной пробили десять вечера. Олег поднялся из-за стола и поблагодарив хозяев, спросил у них разрешения похитить их дочь на празднование Нового года. Папа тоже встал и сказал еще раз:

– Очень рад, мы спокойно вручаем вам свою дочь. Спасибо, что посетили нас, Олег Геннадьевич, приходите еще. – Рука мамы была еще раз поцелована Олегом на прощание, затем он помог одеться Леночке, оделся сам и они, окончательно распрощавшись с родителями Лены, вышли из квартиры.

Когда Леночка ехала вместе с Олегом в лифте, она чувствовала себя такой счастливой, как никогда в жизни. Она ощущала себя настоящей леди, которая едет на бал со своим джентльменом. Олег ухаживал за ней, подавал пальто, открывал перед ней двери, все эти самые обыденные вещи трогали ее до глубины души, ей нравились его манеры, его уверенность, его негромкий голос, нравилось, как он одет, как он пахнет.

Олег открыл перед Леночкой дверцу своего серебристого Мерседеса и она скользнула в салон машины. Через минуту он сел рядом с ней, завел мотор и включив тихую музыку, положил свои руки на руль. Лена смотрела и не могла оторвать взгляда от его рук. Это были чуткие руки врача с красивыми длинными пальцами, на верхних фалангах которых, Леночка заметила небольшие волоски. На правой руке блестел золотой браслет, но обручального кольца не было.

– Почему он не носит кольцо? Тогда в Крыму носил... А ведь я и забыла, что он женат. Размечталась, но и он тоже ведет себя свободно... хотя что у меня с ним? Он просто пригласил меня на Новый год. Да и что у меня может быть с таким взрослым и женатым мужчиной... – спрашивала сама себя Леночка. А глаза никак не хотели отрываться от его рук. Полы дубленки на Олеге распахнулись и она увидела его ноги, вернее бедра в облегающих серых брюках. Затаив дыхание Леночка воспользовалась тем, что Олег выруливал из ряда припаркованных машин и отвернулся. Нескромным взглядом Леночка скользнула по бедрам Олега в плотно облегающих брюках, блеснула серебристая пряжка черного кожаного ремня. Леночка вдруг почувствовала, что ей сейчас очень хочется сесть к Олегу на колени и гладить его лицо

и шею своими ладонями. И еще, она безумно хочет запустить свои руки в вырез его рубашки, чтобы погладить волоски на его груди. Леночка даже слегка закусила губу и застонала про себя от этого нового и доселе неведомого ей чувства. Хорошо, что Олег не заметил того, что происходило с рядом сидевшей с ним Леночкой. Он удачно сманеврировал и вот его серебристый Мерседес уже выехал на проезжую часть.

Повернувшись к Леночке, Олег сообщил ей, что они сейчас заедут забрать его друзей, семейную пару, это здесь неподалеку. На часах была половина одиннадцатого вечера. Они поехали на улицу Маяковского, что в центре города. Подъехав к дому, Олег попросил Леночку подождать несколько минут в машине, а сам вышел и направился к подъезду, где живут его друзья. Его не было около десяти минут, вернулся он один, как оказалось у друзей заболела бабушка, на которую они надеялись оставить своих детей и они остались дома.

– Делать нечего – сказал Олег, – Поедем справлять Новый год вдвоем. Ты не возражаешь? – обратился он к Леночке.

– Нет, не возражаю – ответила она серьезно.

Когда они вошли в квартиру Олега, было одиннадцать вечера. Оставался всего лишь час до прихода Нового года. Олег помог Леночке снять шубку и загадочно улынувшись произнес:

– Леночка, проходите в гостиную и ждите меня там. —

Через несколько минут Олег в смешной новогодней шапочке Деда Мороза вкатил в комнату сервировочный столик, на котором стояла бутылка шампанского, напитки, закуски, фрукты. Все было красиво разложено на тарелочках и приготовлено заранее умелыми и заботливыми руками. Стол в гостиной был сервирован на четыре лица. На белоснежной, накрахмаленной скатерти стояли тонкие фужеры, столовые приборы поблескивали старинным серебром. На столе был обязательный новогодний салат, всеми любимый «Оливье», семга с лимоном, маслины, которые Леночка обожала, заливная рыба, ветчина и масса другой снеди, обильно украшенной свежей зеленью и овощами. Но это было еще не все...

Олег вышел из комнаты, чтобы вернуться с большим серебряным блюдом, на котором лежали, образуя круг, вареные красные раки с тарталетками между клешнями. Тарталетки были наполнены красной и черной икрой, это был настоящий шедевр кулинарного искусства, Леночка ахнула от всего этого великолепия, на что Олег ответил, что аплодисменты не ему, а его домохозяйке Лидии Сергеевне, которая и приготовила все новогоднее угощение, Олег даже пошутил, что Лидия Сергеевна угадала, сделав дары моря основным угощением новогоднего стола, так как гуся с яблоками они отведали у Леночки в гостях.

Столовые приборы непришедших друзей, были убраны со стола и Леночка с Олегом оказались вдвоем за этим большим дубовым раритетом. Лена поинтересовалась, где Рекс, оказалось, что Рекс принадлежит все тем же друзьям Олега, которые остались дома.

Огромная антикварная люстра ярко освещала гостиную, Лена осмотрелась по сторонам, она здесь уже второй раз, но тогда освещение было приглушенным и она плохо разглядела обстановку комнаты.

А время шло, часы пробили половину двенадцатого, совсем скоро наступит Новый 1993 год! Чего ждать от него? На сердце у Лены было не совсем спокойно, не давала покоя мысль где семья Олега и почему он встречает Новый год не со своей семьей, а с ней, Леной Крылевской, в общем-то, чужим для него человеком, с которым они случайно встретились всего несколько дней назад.

– Спросить о семье? – Леночка даже слегка поежилась... – Нет, не буду, пусть все идет, как идет. Может он в разводе? Да, скорее всего, это так... – Чтобы не углубляться в эти размышления, Леночка перевела глаза на Олега, который с легкой улыбкой смотрел на нее своими светлыми, лучистыми глазами.

И вот настал кульминационный момент. На экране телевизора Куранты московского Кремля, стрелки стремятся к двенадцати часам. Удар, еще удар! И вот заиграл гимн России

и настал, наконец, новый 1993 год! Олег успел откупорить шампанское с последним ударом Курантов и подавая Леночке фужер с искрящимся золотистым напитком, поздравил ее с наступившим Новым годом и пожелал ей успешно закончить институт, определиться с работой и стать классным специалистом.

А Леночка слушала и не слышала всего этого. Она смотрела на Олега взглядом вопрошающего ребенка, который ждет обещанного сладкого.

Олег подошел к шкафчику, открыл его и достал коробку с французскими культовыми духами «Клима». Леночка сразу узнала эту голубую квадратную коробочку, похожую на кубик детской игры. Она любила «Клима» и всегда старалась незаметно для окружающих втянуть в себя их многослойный сладковатый аромат, исходивший от богатых студенток. У самой Леночки «Клима» никогда не были и потому, что дорого, и потому, что не достать. Поблагодарив Олега, Леночка окончательно растерялась, у нее самой не было подарка для него, о чем она смущенно сообщила Олегу. Он, улыбнувшись сказал, что очень благодарен ей, что она пришла к нему в гости, разделить с ним его одиночество.

Лена внимательно посмотрела на Олега и вымолвила:

– Одиночество? Вы одиноки Олег Геннадьевич? —

– Да! – ответил Олег, – Я уже два года один встречал этот замечательный праздник и вот теперь Вы разделили его со мной. Спасибо, Леночка. Моя жена и дочь погибли в автокатастрофе три года назад, через пять месяцев после нашей с Вами встречи в Крыму, перед самым Новым годом. Вот с тех пор я и одинок. Да, я очень одинокий человек. —

Оба замолчали, опустив глаза. Олег встал из-за стола и подошел к окну, повернувшись спиной к сидящей за столом Леночке. Она оцепенела. Она была готова услышать и про развод, и про уход жены к другому, но смерть близких людей, горе непоправимое.

Первым нарушил тишину Олег. Он повернулся к Леночке, отошел от окна и сел рядом, взяв ее руку в свою, тихо произнес:

– Вот так... —

Они помолчали еще с минуту, в телевизоре веселились и поздравляли всех с наступившим Новым годом. Олег виновато улыбнулся, выключил телевизор, который обоим не хотелось смотреть. Затем включил музыкальный центр. Стереозвук плавно поплыл и заполнил собой комнату. Синатра пел своим завораживающим голосом о снеге, который накрыл сразу все вокруг. Олег подошел и галантно пригласил Леночку на танец. Они впервые так близко друг к другу с тех самых пор, когда танцевали под звездами в приморском ресторане в Крыму. Леночка уткнулась в плечо Олега, ей было жаль этого мужчину, она вдруг остро почувствовала к нему удивительную смесь нежности и сочувствия, да так, что ей захотелось расплакаться. Это чувство передалось и Олегу, он чуть отстранился от Леночки, заглядывая ей в лицо, и со смущенной, слегка виноватой улыбкой произнес:

– С Новым годом, Лена Крылевская, с новым счастьем! Вы так молоды, у Вас все впереди. Это я старый, а Вы... – он не досказал фразу и Леночку, как прорвало: – Нет, Олег Геннадьевич, Вы нестарый, Вы даже очень нестарый. – сказала она так, как будто от ее слов он сейчас же станет двадцатипятилетним. Но она верила, искренне верила в то, что говорила. Она потянулась к нему и начала целовать его лицо быстрыми, легкими поцелуями и слезы брызнули у нее из глаз. Он взял ее лицо обеими руками и тоже стал целовать ее щеки, лоб, волосы, но она перехватила его, подставив ему свои губы, и он крепко поцеловал ее с таким чувством, что у Леночки подкосились колени и ноги перестали ее держать.

Олег усадил ее на диван и поднес к ее заалевшим губам прохладный апельсиновый сок. Она чуть отпила и попросила шампанского. Он принес бутылку с шампанским, фужеры, фрукты и поставил рядом на маленький столик. Олег разлил шампанское по фужерам и они выпили до дна этот благородный и такой новогодний напиток.

Лена обняла Олега за шею и так они сидели какое-то время, а она вдыхала его запах и рассматривала волоски на его груди, видневшиеся из расстегнутого ворота его рубашки. Ей вдруг пронзительно захотелось положить ему руку на грудь и гладить ею под его рубашкой, такой голубой, как и его глаза. И она решилась... ее рука скользнула ему на грудь и начала свое путешествие, она ощупывала его соски, слушала рукой стук его сердца, которое учащенно билось под ее пальцами. У Лены закружилась голова, она стала целовать его в шею, за ухом, а он только шептал ей:

– Леночка, нет... Лена, это невозможно, я не имею права... Лена, что ты со мною делаешь... —

А она не слушала его. Она впервые так близко к мужчине, впервые так сильно желает его. Она растекалась в своем горячем потоке чувств, глаза ее были полузакрыты, волосы накрыли их обоих, струясь золотистым шелком. Олег поначалу с трудом сдерживался, затем отпустил себя навстречу Леночке, – он стал покрывать горячими поцелуями ее лицо, руки, плечи, все что попадалось ему на его пути к ней. Они стали уноситься в мир чувственного познания друг друга, все дальше и дальше, уносясь туда вдвоем...

И вдруг раздался телефонный звонок, который они не хотели признавать, они уже на пути в другие миры, все дальше от реальности, их уже затягивает водоворот чувств и возвращаться назад они не в силах.

Но звонок звенел и с каждым разом казалось все громче и настойчивее.

Олег встал с дивана и быстрыми шагами подошел к телефону. Лена, еще не отошедшая от эмоций, захлестнувших ее с головой, лежала ничком, прислонившись к высокой спинке дивана, такого антикварного, синего с золотом и такого равнодушного к ней...

К Лене стало возвращаться сознание и она слышала, как Олег взволновано спрашивает что-то по телефону, а затем бросил фразу:

– Я сейчас же выезжаю. – быстро положил трубку и побежал в коридор мимо Леночки. Уже в куртке, перед тем как уйти, он опустился на колени перед лежащей на диване Леночкой, взял ее руку, приложил к своему лицу и сказал, что срочно должен уехать на вызов, от этого зависит жизнь человека. Сказал еще что-то про ключи, про завтра, про утро, но Лена так и не смогла ничего четко уяснить, она поняла только одно – он срочно уезжает к больному, от него зависит жизнь человека и он будет спасать его, это его долг, как врача.

Пока Лена окончательно приходила в себя, Олег уже мчался по ночной заснеженной дороге, к своему умирающему больному и долг врача гнал его вперед, оставив позади собственные несбывшиеся желания.

А Лена осталась одна. Одна у новогодней елки, у новогоднего стола с его изысканными угощениями и свечами, горящими в старинных подсвечниках... Опять одна, даже в такую ночь. Ей стало так нестерпимо жаль себя, что она разрыдалась, положив голову на белоснежную скатерть, разрыдалась среди этого новогоднего блеска, вся такая красивая, молодая, в своем серебристом платье и туфельках.

Она долго сидела за столом, так и не притронувшись к его яствам. Лишь к пяти утра, когда она уже боролась с наступающим на нее сном, опять зазвонил телефон. В одно мгновение Леночка схватила трубку, сон смело, как шквалистым ветром и унесло далеко-далеко...

На проводе был Олег. Он только успел ей быстро сказать, что он в Москве, в реанимации и что вернется сам не знает когда.

Леночка не удивилась, она каким-то чутьем поняла, что это конец, так и не начавшейся ее новой жизни. Ничего у нее больше хорошего не будет и она обречена на одиночество, не зря есть поверье, как встретишь новогодние праздники, так и год проведешь.

Наступил поздний зимний рассвет... Так и не сомкнувшая глаз Леночка, укутанная пледом, просидела всю ночь у окна в кресле.

Вот и настал он, первый день нового 1993 года. За окном было серое, унылое утро, не предвещавшее ничего хорошего в Леночкиной жизни.

– Я обречена на неудачи, наверное, карма такая, как говорят индусы. —

На столике рядом с недопитой бутылкой шампанского из которого все еще иногда бежали пузырьки, лежала связка ключей от квартиры Олега. Она сейчас уйдет, запрет дверь и больше никогда здесь уже не будет, почему-то в этом Леночка была уверена:

– Все правильно, он в Москве, он – врач, он спасает больного, а ей, Леночке совсем нет места в его жизни, жизни взрослого, серьезного человека. —

Перед уходом она заметила стоящие на столике у стены картины, написанные маслом. На одной из них был знакомый вид их города, на котором был изображен старинный Кремль, где Леночка бывала много-много раз и в раннем детстве с родителями, и с классом, когда училась в школе, и ночью на выпускном с друзьями. А на второй картине была изображена молодая женщина редкой красоты. Тонкая, изящная, с копной волос, подхваченных диадемой и таким же ожерельем на длинной лебединой шее. В руке белая лилия, в глазах, глубоких и таинственных – звезды. Леночке показалось, что она однажды видела эту женщину. Да, несомненно, это мать Марины. Она видела ее мельком несколько раз, когда бывала у них дома, но ее образ запомнился Леночке. Мать Марины, Зоя Николаевна возникала подобно виденью и на приветствия Леночки лишь скользила по ней взглядом из-под ресниц и исчезала в анфиладе комнат их огромной квартиры.

– Как здесь мог оказаться ее портрет? В прошлый раз его точно не было, иначе я его бы заметила. Да, ведь отец Марины художник... – вспомнила Леночка.

Они не виделись с Мариной Раковской с окончания школы. Впрочем, она и школу не стала заканчивать в Вологжанске, а внезапно забрала документы и уехала с родителями в Москву сразу после зимних каникул их последнего выпускного года. Леночка от девчонок слышала, что Марина учится в Москве, то ли в театральном, то ли во ВГИКе... От Марины она как-то случайно узнала, что ее мать тоже училась в Москве на актрису и подрабатывала натурщицей, так они и познакомились с отцом Марины, известным художником Виктором Васильевичем Раковским, которому она позировала. Портрет, видимо, относился к тому периоду, матери Марины здесь нет и двадцати лет.

Заперев квартиру на все замки, к которым она смогла подобрать ключи на связке, Леночка вышла из подъезда дома Олега и побрела к остановке автобуса, чтобы добраться домой. Самое неприятное для нее было явиться из гостей 1 января в 9 утра одной и затем отвечать на расспросы мамы. А хотелось только одного – лечь и постараться побыстрее уснуть, чтобы хоть на время забыть о прошедшей ночи.

Тихо открыв входную дверь и проскользнув в квартиру, Леночка облегченно вздохнула, родители еще спали. Наверное, до утра смотрели «Огонек».

– Ну, хорошо хоть это. – подумала Леночка и на цыпочках прошмыгнула в свою комнату, не снимая с себя верхнюю одежду, тихо прикрыла за собой дверь. – Родители встанут и не увидев на вешалке моей шубы, подумают, что я еще не пришла. Так лучше. Меньше расспросов, а пока хоть чуть-чуть посплю. —

Лена повесила свое серебристое платье в шкаф, туда же поставила серебристые туфельки. Разделась, упала на кушетку и не заметила, как провалилась в сон после тревожной ночи с ее слезами и ожиданием звонка от Олега.

Проснувшись она к обеду от того, что мама и папа переговаривались на кухне. Папа говорил, что нечего волноваться, раз Олег Геннадьевич обещал, значит вернет их дочь в целостности и сохранности, просто они тоже спят, как все нормальные люди после новогодней ночи.

Лена посмотрела на часы, висевшие на стене, было пять минут третьего дня, 1 января 1993 года, дня которого она так ждала... Накинув халат, Лена вышла к родителям и поздоровавшись, направилась в ванную. Мама переглянулась с папой, потом они оба удивленно

посмотрели на Лену, а она, задержавшись в дверях ванной, повернулась к ним всем корпусом и, разведя руки в стороны и сделав большие глаза, с легким раздражением спросила:

– Что? – и, не дожидаясь их реакции, быстро вошла в ванную и захлопнула за собой дверь.

Стоя под струями душа, Леночке стало вдруг жаль родителей, слезы побежали по ее щекам, смешиваясь с водой. Так она и стояла минут двадцать, под бесконечно льющимися струями воды. Наконец, взяв себя в руки и выключив воду, Лена обмотала голову большим полотенцем в виде тюрбана и надев на тело теплый махровый халат, вышла из ванной. Родителей в кухне не было, они удалились в свою комнату. В воздухе повисла гнетущая тишина и только у соседней громко включили музыку, которая была особенно слышна на кухне около вентиляционной решетки. Неизвестно, как насчет вентиляции, но шумы из соседней квартиры были отчетливо слышны, что особенно раздражало маму.

Лена налила себе в чашку кофе, сделала бутерброд с сыром и колбасой и поставив все это на поднос, пошла в свою комнату, где и позавтракала. Ей очень захотелось завалиться на сутки в кровать с книжкой и читать, читать..., никого не видеть и не слышать хотя бы эти сутки. А завтра утром она сама пойдет к родителям, успокоит их и все объяснит им. Достав с полки свою любимую «Сагу о Форсайтах» и начав читать с середины, Леночка уже минут через двадцать поняла, что с чтением ничего не получится, глаза скользили по тексту, а мысли были далеко-далеко.

Лена встала, сняла с головы тюрбан из полотенца, прикрыла голову капюшоном халата и вышла из своей комнаты. В квартире стояла тишина. Немного постояв у дверей родительской спальни и послушав тишину, Леночка было решила, что они спят и хотела уже вернуться в свою комнату, но вдруг она услышала тихий голос мамы:

– Нет, это что-то случилось, может они поссорились или он многое захотел себе позволить? Она ведь в девять утра пришла одна. Я видела ее в окно. – мама перешла на громкий шепот, – он ее даже не подвез. Ничего не понимаю. – На что папа возразил ей, он знает, что Олег Геннадьевич очень порядочный человек, краевед и коллекционер. Видимо, эти доводы для отца были решающими и Олег ничего такого в отношении их дочери не мог совершить.

Не дожидаясь ответа мамы, Лена, постучав, открыла дверь комнаты родителей. Она вошла и извинившись перед ними, ответила на все одной фразой:

– Вам нечего волноваться, ничего со мной не случилось. Просто Олега Геннадьевича вызвали к пациенту и он срочно вернулся в Москву. Вот и все. – поставила точку Лена. – Мама, папа, я сегодня хочу отдохнуть, полежать, почитать, а завтра может схожу к подруге. Да... надо еще отнести туфли Наташе. – На что мама сказала:

– Обязательно передай ей от нас фрукты, ей сейчас особенно нужны витамины. Я отложу ей в пакет, только ты не забудь. —

– Не забуду. – ответила Леночка, слегка улыбнувшись, впервые с тех пор как они расстались с Олегом. – Спасибо, мама и папа. Я пошла к себе. – и закрыла дверь за собой.

Вернувшись к себе, на свою кушетку роста, Леночка не заметила как уснула, погрузившись в глубокий и долгий сон.

глава 8 Так хочется любви и счастья

Проснулась она на следующее утро часов около восьми. За окном были еще предрасветные сумерки, густые черно-синие, как черничный кисель и лишь несколько звезд сияло на закрытом небе. Утро обещало быть серым и мрачным, как и вчера. Но вопреки ожиданиям, с утра часам к одиннадцати подул ветер и освободил зимнее солнце из плена серых туч. Лучик солнца проник сквозь облака, чтобы ненадолго погостить в Леночкиной комнате, ласково погладил шкаф с книгами, затем, отразившись в зеркале напротив окна, заискрился и осветил все собой.

– Странно... – подумала Леночка. В декабре солнце если и появляется, то оно тусклое, как бы покрыто пеленой, но уже в самых первых числах января, солнце уже другое и даже от одного скупого зимнего луча, происходит яркое свечение, которое усиливается с каждым днем. Так и жизнь идет, как по кругу зиму сменяет весна, затем быстро пролетает лето, но осень и зима кажутся бесконечными в их краях. И, что там в Москве? Как пациент Олега? – думала Леночка.

Нам сейчас и не понять, как жили люди без интернета и мобильных телефонов, ведь прошло не так уж и много времени с тех пор, а как изменилась жизнь под влиянием этих столь необходимых и привычных сейчас вещей. И только к вечеру 2 января в квартире Крылевских раздалась характерные междугородние звонки. Мама крикнула на всю квартиру:

– Лена, это Москва! – в ту же секунду Лена уже выхватывала из рук мамы телефонную трубку, сделав жест всем удалиться. Даже папа каким-то образом оказался рядом.

Леночка, наконец, услышала голос Олега. Он говорил своим спокойным, уверенным, но каким-то чужим голосом, как будто прошло не двое суток, а два года. Все, что Леночка смогла понять, сводилось к одному, он не приедет в ближайшее время, он будет занят с его пациентом, который жив и за жизнь которого он в ответе. На вопрос Леночки, что ей делать с ключами от его квартиры, Олег ответил, пусть хранятся у нее, запасные ключи есть у домработницы Лидии Сергеевны. Пожелав друг другу всего хорошего, они распрощались. Положив трубку, Лена пошла на кухню налить себе чаю. Мама с папой сидели притихшие за столом и стараясь не смотреть на Леночку, усердно разглядывали содержимое своих чашек. Лена даже улыбнулась от их сосредоточенности:

– Ну, что вы приуныли, больной жив, он в реанимации под присмотром медицинского светила, Олега Геннадьевича. Все хорошо. А что вы собственно хотели? Что мы с ним явимся 1 января и попросим вашего благословения? Я вам сразу сказала, что он никакой мне не жених, ни настоящий, ни потенциальный. Он взрослый и свободный человек, так что зятя и свадьбы скоро не ждите. —

Мама, вздохнув украдкой, встала и открыв холодильник, достала миску с оливье и наложив на тарелку салат, сказала:

– На, поешь. Ты с утра кроме бесконечного чая с кофе ничего не ела. И куда я все это наготовила... Надо пойти к соседке Катерине Петровне и угостить ее. – Разумно решила мама. – Грех еду выбрасывать, а нам не осилить этого. —

– Я сейчас пойду отнести туфли Наташе, можешь положить ей в придачу к фруктам; рыбку, оливки и огурчик свежий. Вот и разойдутся закрома Родины. – с иронией добавила Леночка. – И сами ешьте. Вы тоже ничего не едите. —

Быстро одевшись и закрыв за собой дверь квартиры, Леночка не стала ждать лифта, а перескакивая через ступеньки лестницы, пролет за пролетом, как школьница, быстро одолела все семь этажей, по пути замечая надписи на стенах, покрытых синей краской: «Вера + Миша = любовь». Этой надписи уже сто лет... Верка, живущая на третьем этаже, за это время уже

успела выйти замуж за того самого Мишу и теперь поочередно с мужем катает коляску в их дворе. А ведь она моложе Леночки года на три... —

– Эта надпись была еще когда я училась в 10 классе. Шесть лет прошло, интересно сколько она еще здесь продержится, подъезд сто лет не ремонтировали. – подумала Леночка, выходя на улицу. У нее почему-то стало легче на душе, как будто все, что случилось с ней в новогоднюю ночь было сном, а сейчас она проснулась и успела отойти от этого ночного кошмара.

Вот и дом Наташи. Вбежав на второй этаж, Леночка позвонила в дверь. Никто не открывал, Лена хотела позвонить второй раз, но кто-то стал судорожно открывать замок изнутри квартиры, затем, будто опомнившись спросил:

– Кто там? – услышала Леночка старческий голос.

– Это я, Лена, подруга Наташи, откройте пожалуйста. – напрягая голос, ответила Леночка.

Замок опять закрутился и, наконец, дверь открыла старая Наташина бабушка, от которой Леночка узнала, что Наташу увезли сегодня ночью в роддом. Бабушка была полуглухая и плоховидящая. Леночка попросилась войти в квартиру, чтобы положить коробку с туфлями на столик в прихожей, а вот сверток со снедью, собранный мамой, она отдала в руки бабушки, заодно поздравив ее с Новым годом. Быстро распрощавшись с ничего так и не понявшей бабушкой, которая растерянно стояла и держала в руках прижатый к себе сверток, Леночка осторожно закрыла за собой входную дверь и выбежала из Наташкиного подъезда.

На улице сияло солнце, был легкий морозец, как в стихах Пушкина:

«Мороз и солнце, день чудесный...» Именно в такие дни, эта бессмертная строка всегда приходит на ум. День был и впрямь так хорош, что Леночка решила не ехать домой на автобусе, а пройтись пешком, тем более торопиться некуда, да и незачем.

Легкое настроение внезапно сменилось отчаянием и грустью. Леночка остро почувствовала пустоту вокруг себя. По заснеженному бульвару бегали, кидаясь снежками, дети. Мимо проезжали санки, с сидящими в них краснощеками карапузами. Лена вспомнила, как папа тоже возил ее на санках, сначала в ясли, затем в детсад.

– Детство прошло и никогда не вернется, а взрослая, самостоятельная жизнь все никак не наступит, – грустно подумалось Леночке – но осталось немного, закончу институт, может съезжу отдохнуть на море. Мама с папой обещали подарить путевку к окончанию института. Ну, а затем с 1 сентября опять в школу, только уже в качестве учителя. Вот такая она, жизнь! Пройдет еще совсем немного времени и ее подруги приведут к ней в школу своих детей. А она будет их учить, ставить двойки. Нет, злоупотреблять она не будет... она будет строгой, но справедливой, иначе нельзя, иначе какой из нее учитель? Пройдут годы, а она будет уже с седыми прядками по вечерам сидеть над их тетрадками. – Лена аж криво ухмыльнулась, представив себя такой. Только сейчас она заметила, что ноги как-то сами привели ее на вокзал.

Народу было немного и Леночка решила отдохнуть, присев на скамейку перрона. Вдруг голос из висящего прямо над ней громкоговорителя проинформировал, что отправляется поезд Вологжанск – Москва, всех провожающих просят выйти из вагонов. И Леночка увидела его – темно-бордового с бежевым, состав из вагонов с фирменным логотипом «Вологжанка». Люди торопились, кто-то быстро заходил в вагоны, подгоняемый страхом, что поезд уйдет без него, кто-то быстро выходил, боясь нечаянно уехать. Провожающие стояли на перроне у окон поезда и махали руками отъезжающим. Леночке так захотелось прямо сейчас в Москву, к нему, чтобы увидеться хоть на немножко. В голове понеслись мысли одна, сменяя другую. Разум боролся с Чувствами. Побеждал Разум. Во-первых, она не может прямо сейчас уехать, у нее нет денег на билет.

– Дома есть. – отвечало Чувство, – Целых пять тысяч рублей рублей, этого должно хватить в оба конца, не много, конечно, но хватит. –

– Завтра тебе нужно в институт. – сыпал аргументами Разум.

– Завтра пятница, будет ночной поезд до Москвы, следовательно в субботу утром ты будешь в столице. А в институте только одна пара, ты все успеешь! – парировало Чувство.

– И где мне его искать? —

– Он говорил, что работает в институте Склифосовского, найти нетрудно. От Ярославского вокзала прекрасно доедешь на метро, а там спросишь у людей. —

Леночка поехала и сама себе призналась, что ей страшно. Она никогда не была в Москве одна. Все время с родителями. Но тут ей стало стыдно:

– Тебе скоро двадцать два, а ты все чего-то боишься, привыкла с мамой-папой за ручку ходить. Ты – инфантильная и пугливая провинциалка, вот кто ты такая, Лена Крылевская! – И Чувство победило Разум.

Лена поняла, что она уже все решила: – Она поедет завтра в Москву, найдет его, чтобы увидеть, поговорить. Ей это просто необходимо. Нет, она не будет мешать ему и отвлекать его от важных дел. Просто увидеть, просто посмотреть при свете дня в его серо-голубые глаза и пусть это будет ее новогодним подарком ему! —

Сразу повеселев, Леночка заторопилась к автобусной остановке и уже по дороге домой, сидя у замерзшего окошка, она окончательно решила ехать завтра в Москву. Зайдя в квартиру, скинув сапожки и даже не сняв шубку, Лена проскользнула к себе в комнату, открыла ящик стола, достала из шкатулки деньги, затем обратно ноги в сапоги и юркнула в дверь, тихо закрыв ее за собой, чтобы не услышали родители, которые судя по звукам из их комнаты, смотрели телевизор.

– Как хорошо, что они не увидели меня. Сейчас быстро на вокзал за билетами. Главное, были бы билеты. – вмешался Разум. – Праздники, наверняка все раскупили. —

Но Чувство гнало: – Быстрее, а вдруг в кассе остался твой билет и ждет тебя... —

И вот она уже у кассы вокзала, быстро, почти бегом к окошку с видом человека у которого жизнь зависит от покупки этого билета. Бывалая кассирша, слегка за пятьдесят, смотрит на нее с важностью персоны, продающей билеты в Рай или в Большой театр, на худой конец. Из ее смачно жующего рта, с размазанной красной помадой и блестящими золотыми зубами, вылетает:

– Вы что, девушка! У нас в Москву все билеты распроданы за месяц! Новогодние праздники, детские каникулы... —

– Чуда не произошло. – констатировал Разум. Лена как-то съежилась, сжимая в руках кошелек с деньгами. Не в силах сразу уйти, она какое-то время стояла рядом с кассой.

И вдруг чудо все же произошло. В тот самый момент, когда Леночка, с трудом приходя в себя, начала медленно отходить от окошка кассы дальнего следования, к нему подошел молодой парень и стал говорить кассирше, что у него что-то произошло и он поехать в Москву не может, поэтому хочет сдать свой билет обратно в кассу.

Из оцепенения Лену вывела все та же кассирша с золотыми зубами и ярко накрашенным ртом. Она даже высунулась из своего окошка по самые плечи, чтобы найти и посмотреть на эту счастливицу – Леночку.

– Билет есть! Его держит в руках этот парень! – встрепенулось Чувство.

Лена взмолилась, обращаясь к парню:

– Пожалуйста, не сдавайте! Я куплю у вас билет, мне очень нужно! – Она сказала это с таким отчаянием в голосе, что парень как-то тревожно посмотрел на нее, ее бледное лицо и сказал:

– Боковое, правда, верхняя полка в самом конце вагона, перед туалетом. —

– Не важно, – ответила Леночка – вот деньги. – И она отдала пяти тысячную купюру в руки парня, быстро развернулась, чтобы уйти, забыв про сдачу. Парень догнал ее и отсчитав деньги, сунул их в Леночкину руку:

– У тебя что-то случилось? – спросил он, заглядывая ей в лицо.

– Да нет, просто очень надо! Спасибо! – Леночка быстро повернулась и ушла. А парень так и остался смотреть ей в след.

– Все же есть судьба! И наличие этого билета, подтверждение тому, – думала счастливая Леночка по дороге домой.

Родителям она решила сказать о своей поездке в Москву только завтра, нужно еще причину придумать, чтобы как-то обосновать свой внезапный отъезд в столицу. На улице уже темнело, сгущались зимние тягучие сумерки, опутывая весь город с его редкими огоньками.

Придя домой, Леночка вспомнила, что у нее нет обратного билета:

– Опять вернуться на вокзал, в кассу к кассирше с ее накрашенными губами... Нет, что-нибудь придумаю. Главное, туда добраться, а назад... а вдруг опять произойдет чудо и она в Москве купит обратный билет... По-любому, это будет проще сделать, в наш город туристы толпами не едут даже летом, не то, что зимой. – успокоила себя Леночка, – Так, что нечего саму себя накручивать, назад я точно доберусь. А вдруг Олег пригласит к себе, ведь у него квартира в Москве, а впереди почти два дня выходных – суббота и воскресенье. А вдруг? – Леночка от этого «вдруг», даже глаза закрыла. – Побывать у Олега в его московской квартире... Нет, Новый год и вправду дарит чудеса! – С этими мыслями Леночка отперла дверь и вошла в квартиру. На часах было пол десятого вечера и она только сейчас поняла, что ужасно голодна, устала и хочет спать.

В квартире был погашен свет и судя по тишине, родители уже спали, чему Лена была рада. В такие моменты она ощущала себя свободнее, это похоже на чувства родителей, когда их маленькие дети уснули и наступает свое личное время, пусть кратковременной, но свободы.

А голод меж тем давал о себе знать и Леночке ужасно захотелось доест, наконец, новогодний оливье, который она обожала. Выйдя на цыпочках в кухню и не зажигая свет, она тихонько открыла холодильник, чтобы достать из него салат, и вдруг почувствовала, что в кухне кто-то есть... да, в углу у окна Леночка увидела освещенную луной фигуру мамы. Она спала, положив голову на руки, лежащие на подоконнике.

– Мама, ты заснула у окошка, на своем боевом посту... – улыбнулась дочь.

Прическа, сооруженная Ольгой Семеновной, потеряла форму и голова, покрытая завитушками химзавивки, покоилась на руке мамы. Тут мама подняла голову и сразу проснулась, увидев Леночку. Она встала, зажгла свет в кухне и внимательно посмотрела на дочь, напрягая чуть заспанные глаза. Мамино сердце не обмануть, она почувствовала, что Леночка что-то скрывает и ей захотелось узнать, что?

Но Леночка, поцеловав ее и пожелав спокойной ночи, схватила тарелку с салатом и скрылась в своей комнате.

На следующее утро Леночка проснулась рано и первое, что она сделала едва открыв глаза, протянула руку за сумочкой, стоящей на столике и достала из нее заветный билет. Да, ей это не приснилось, завтра она будет в Москве. Завтра она увидит его, его глаза, улыбку. Как ей хочется прижаться к нему, его губам, ощутить силу его поцелуя.

День прошел обыденно и скомкано. Отсидев лекцию в полупустой аудитории института, и как только она закончилась, Леночка вздохнула с облегчением и быстрыми шагами направилась к выходу. Спускаясь по лестнице к раздевалке, где кучковались студенты, что-то оживленно обсуждая, она услышала:

– Лена! Лена Крылевская! – окликнул ее Денис Звонарев, староста группы. – Ты куда так несешься? —

Лена посмотрела не него, невидящими глазами:

– Сейчас пристанет с каким-нибудь поручением, он знает, что я не умею отказывать. Господи, и когда я научусь говорить слово «Нет». —

Денис, пробираясь сквозь толпу студентов, подошел к Леночке:

– Что ты делаешь завтра? Давай сходим в кино вместе? —

– Как все просто... – подумалось Леночке. – Эх, Денис, Денис! Где ты был эти последние пять лет? Может еще совсем недавно, всего несколько дней назад и пошла бы с тобой в кино, но ты безнадежно опоздал, Денис, наверное, тебя поглотили общественные дела... Вот куда ушло твое время. Завтра я буду далеко, в другом мире. Так, что извини, Денис, ищи себе другую спутницу для кино. – И Лена ответила:

– Спасибо, Денис, но извини не могу, буду занята. – И быстро повернувшись, поспешила к гардеробной. Накинув на себя шубку, она почти выбежала из здания института. Уже дома, наскоро пообедав, Леночка решила все же взять с собой юбку с блузкой из тонкого китайского панбархата, которую мама перешила ей из бабушкиного платья. Эта ткань была просто волшебной, на темно-зеленом бархате из натурального шелка, полыхали и светились желто-фиолетовые ирисы. Погладив рукой блузку, Леночка вспомнила свою бабушку, папину маму и глаза ее невольно увлажнились: – Бабушка, ты будешь незримо со мной, принеси мне пожалуйста счастья, бабуля.-

Положив в сумку юбку и блузку, а также кое-что из белья, Леночка закончила свои нехитрые сборы. У нее осталось около трех тысяч, что в те времена было весьма скромной суммой, но на обратный билет должно хватить и все же денег маловато...

Присев на стул рядом с небольшой сумкой, приготовленной для поездки в Москву, Леночка окинула взглядом свою комнату. Когда она начнет работать, первое, что она купит, будет новый диван-кровать в ее комнату и она, наконец-то, распрощается с ненавистой «кушеткой роста».

– Прощай, кушетка, ты уже обречена! Я выросла, я переросла тебя! Мама, наверняка, не даст ее выбросить, а отправит на дачу, но даже на даче я не буду спать на ней, иначе опять почувствую себя недоростком, попаду в ее плен и снова закомплексую. —

Родителей нет дома, они вышли на работу. У них всегда находятся дела, когда многие сотрудники стараются под любым предлогом не работать и побыть дома. Лена любила эти редкие часы одиночества в квартире, она чувствовала себя свободнее, могла включив музыку, танцевать одна, вернее, со своим отражением в зеркале. Все-таки от зеркала исходит некая тайна, магия бесконечности. Оно способно иногда составлять компанию, – Как мне сейчас, – улыбнулась Леночка, глядя на себя в зеркало. – не даром моим любимым фильмом в детстве было «Королевство кривых зеркал», который я иногда до сих пор смотрю. Когда я живу самостоятельно и буду жить одна... Почему одна? – спросила сама себя Леночка. – Когда-нибудь и у меня будет своя семья: муж, дети... Так вот, у меня в квартире будет много зеркал, они увеличивают пространство, дарят свет и солнечных зайчиков, а глядя в них не чувствуешь одиночества. —

С этими мыслями Леночка пошла в ванную, включила кран и налила под бьющую струю пенное средство для мытья, затем щедро сыпанула в воду большую пригоршню морской соли. Зарывшись в белую ароматную пену и закрыв глаза, Леночка наслаждалась любимой музыкальной композицией «Лили была здесь» в исполнении знаменитой саксофонистки Кэнди Далфер, томно звучащей из портативного магнитофона «Грюндик», привезенного папой из редкой заграничной командировки. Вода под шапкой ароматной пены ласкала ее молодое и красивое тело. Она любила понежиться в ванной, но для этого было необходимо, чтобы никто не мешал и не торопил. На беду в их небольшой трехкомнатной квартире был совмещенный санузел, что в присутствии родителей дома, не давало возможности вот так подолгу лежать и наслаждаться. Постоянно буравила мысль, что кому-то нужно в туалет. Пролежав с полчаса в пенной ванне, Леночка встала и надев большой махровый халат, пошла на кухню сварить себе кофе в тюрке, захватив «Грюндик» из ванной. Кофе ей привозил папа, когда бывал по делам в Москве. Он покупал его в гастрономе ГУМа, в этом выставочно-показательном магазине СССР, находящемся на Красной площади, прямо напротив Мавзолея Ленина. В ГУМе, в отделе торгую-

щем кофе, всегда было много немцев, которые покупали его килограммами. В Германии кофе такого качества, как в СССР, был дороже на порядок и папа, привозя из Москвы пакет с ароматнейшими зернами «Арабики», вручая его дочери, всегда говорил:

– Зато у нас кофе самый лучший и дешевый. —

– Ничего себе... может и дешевый, а для нас так сплошное разорение, четыре рубля за килограмм! – всегда приходило на ум Леночке.

Зарплаты у родителей были более, чем скромные и если их доход перевести в кофе, то получится... черт возьми! У папы целых 40 кг в месяц! Целый мешок кофе! О, надо поехать в Германию и продать там мешок кофе на марки. Нет... ничего этого не будет, ни Германии, ни мешка кофе, ни марок! Успокойся и вари свою турочку. —

Лена положила две столовые ложки с верхом в турку, добавила одну столовую ложку сахарного песка и включив газ, поставила турку на конфорку, постоянно помешивая кофе с сахаром. Она дождалась, когда аромат, исходящий из тюрки, под воздействием карамелизации, заполнил всю кухню. Пришло время воды, причем обязательно сырой, некипяченой. Впрочем, когда совсем нет времени, можно залить и кипятком, не особенно хуже, но гораздо быстрее. Когда пенная кофейная шапка в тюрке поднялась не меньше трех раз, Леночка сняла тюрку с конфорки, выключила газ, достала свою любимую кофейную чашечку и плеснув в нее божественный, черный, как смоль напиток, начала потихонечку смаковать его маленькими глоточками, чуть обжигаясь. Из «Грюндига» плавно текла джазовая мелодия соло саксофона, что окончательно расслабило Леночку:

– Наслаждение надо уметь продлевать, а наслаждение от ожидания наслаждения – вообще, высший пилотаж. – с такими ощущениями в душе Леночка допила кофе, быстро сполоснула любимую чашечку из тонкого прозрачного фарфора и прихватив с собой «Грюндик», пошла в свою комнату, легла на кушетку и стала слушать, погружаясь в мечты и любимые мелодии. Ей совсем не хотелось думать, что она скажет родителям, как объяснить свой поздний уход на ночь глядя из дома.

– Но все же надо сказать, а то они решат, что их дочь сбежала из родительского гнезда, как в старинных романах. Пожалуй, скажу папе, а он сам сообщит маме потом, когда я уеду. – решила Леночка и это окончательно освободило ее, просто камень с души свалился – Папа, с ним всегда легче, хоть он и молчит постоянно, но в его молчании столько смысла, он все понимает глазами, папочка дорогой... —

Посмотрев на часы, которые показывали пять минут шестого, а это значило, что совсем скоро придут родители, Леночка решила немного вздремнуть перед дорогой. Как знать, удастся ли выспаться в поезде... И Лена незаметно погрузилась в сон.

Глава 9 Подарить себя

Проснулась она от голосов пришедших с работы родителей. Мама всегда говорит громко, – наследие школы. Когда тебя слушает класс из тридцати-сорока человек, все время приходится напрягать голос.

– О, и меня это тоже ждет, – подумалось Леночке. – меня до сих пор усиленно зовут в аспирантуру, но так хочется самостоятельности. Денег, наконец. А это еще несколько лет безденежья и зависимости от родительского скромного бюджета. Впрочем, есть вечернее обучение, так что если и продолжать учиться, то только на заочно-вечернем. —

Размышления Леночки были прерваны стуком в дверь: – Это папа! Сейчас скажу ему. Да, папа, входи! – ответила Леночка.

Папа вошел со своей доброй, смущенной улыбкой на лице.

– Папа, мне нужно кое-что тебе сказать, а потом ты скажешь маме. – Улыбка исчезла с папиного лица, он весь как-то напрягся.

– Папа, я сегодня уезжаю ночным поездом в Москву. Приеду поздно в воскресенье или утром в понедельник. Прошу тебя не волнуйся и маму успокой, со мной все будет хорошо, я – взрослая. —

Папа посмотрел на Леночку, затем тихо вышел из комнаты, а через несколько минут вернулся и протянул Леночке красную пятитысячную купюру.

– Возьми, дочка, пригодятся. – и тихо повернулся, чтобы уйти, но Леночка в секунды догнала его у двери, обхватила за плечи, прижавшись щекой к спине.

– Спасибо, папочка, это на всякий случай. Я верну тебе, верну. Спасибо! – Они постояли так с минуту-другую, тут раздался мамин голос из кухни:

– Идите ужинать, все стынет! —

И папа с Леночкой отправились на зов мамы к столу, на котором стояли тарелки с горячим ужином. Все трое сели за стол. – Слава Богу! Маме ничего не удалось прочитать на их лицах. Обычно стоит лишь о чем-то подумать, как мама уже затевает разговор на тему, которая лишь только в голову пришла. У нее какое-то просто звериное чутье. Она папу, вообще, сканирует, может поэтому он почти всегда молчит и как-то виновато смотрит на нее. —

Часы показывали 20.10, поезд в Москву отходил в 23.40, таким образом, чтобы успеть на вокзал, Леночке нужно выйти из дома за час до отправления поезда, пусть лучше время будет в запасе. – В 22.40 родители будут спать, папа, конечно, нет. Наверняка, он догадался к кому я еду в Москву, хоть и не задал ни одного вопроса. Милый папочка. – с нежностью подумала Леночка. – Ну, а завтра утром он все скажет маме. Он знает как, он все знает... —

И вот на часах 22.40, в спальне родителей тишина. Леночка осторожно вышла из своей комнаты с небольшой сумкой в руках и наткнулась в дверях на папу.

– Я провожу тебя. – сказал папа.

– Нет, мама проснется. Не волнуйся, я поймаю такси. – Лена сказала это таким твердым, непререкаемым тоном, что папа сдался. Он обнял ее на прощание и тихо открыв входную дверь, Леночка вышла из квартиры.

На улице была январская черная ночь, под ногами заскрипел свежеевыпавший снег, огромная Луна среди звезд освещала все вокруг. На улице никого. Вспомнился Блок с его: – «Ночь, улица, фонарь, аптека...». Лена стояла на автобусной остановке уже пятнадцать минут и в сердце прокралась тревога, – вдруг автобус не придет и где найти свободное такси в пятничную ночь, когда многие продолжают отмечать Новый год и машины нарахват в их маленьком городе. Она побаивалась идти одна по темным улочкам с редкими фонарями и тусклым освещением, да и преступность в городе заметно возросла. Лена пожалела, что отказала папе проводить ее, холод от этих мыслей заполз ей под шубку и внутри все сжалось.

Вдруг показался из-за поворота долгожданный автобус, который повезет ее к мечте.

И вот она уже на вокзале слилась с толпой своих будущих попутчиков, сейчас они все сядут в поезд и завтра утром она окажется в другом мире, мире Москвы!

Лена смутно помнила Москву, в которой была лишь в детстве. Запомнился отчетливо огромный «Детский мир», где продавали вкуснейшее мороженное в вафельных стаканчиках и где ей купили большую куклу с косами, которая и сейчас сидит в ее комнате на полке, как напоминание о той поездке.

Леночка никогда не испытывала комплекса провинциалки, она искренне любила свой родной город и не жалела, что не поехала учиться в Москву или Питер, тогда еще Ленинград.

Пройдя в вагон, она нашла свое место и пусть оно и неудобное, в самом конце вагона рядом с туалетом, но сейчас все улягутся и уснут, а утром – Москва! И вот поезд тронулся, попутчики стали укладываться на ночь. Леночка ловко взобралась на свою верхнюю полку. Легла, прислушиваясь к мерному стуку колес поезда.

– Я еду. Я решила и сделала это. Завтра я увижу его, увижу его глаза, как я соскучилась по нему... – Не сразу, но ей удалось все же уснуть в эту ночь.

глава 10 Ненужный подарок

Утром ее разбудили голоса попутчиков. Посмотрев на свои часы, Лена определила, что они будут в Москве через полтора часа. Она быстро соскочила со своей полки, встала в очередь в туалет, умылась, почистила зубы, затем выпила горячий чай из граненых стаканов в старых массивных подстаканниках. Леночка с детства всегда думала, что именно из таких стаканов, в таких подстаканниках пили чай Ленин со Сталиным. Теперь это раритеты, которые можно встретить на развалах блошиных рынков и Измайловского вернисажа в Москве близ метро Партизанская.

А раньше, в советское время, в вагонах поездов дальнего следования проводницы раздавали свой огненный чай пассажирам именно в таком виде – граненый стакан в массивном, вычурном подстаканнике. Это уже стало частью истории, советской истории.

И вот за окнами поезда Москва, о чем свидетельствуют все таблички с указателями, поезд заметно сбавил скорость и плавно въехал на территорию Ярославского вокзала. Все в вагоне засуетились, раздались голоса детей и их родителей, призывающие своих отпрысков не бегать по вагону поезда.

Леночка, подхватив свой немудреный легкий багаж, первая вышла из вагона, покинув эту суетную толчею. На перроне она остановилась, взглядываясь вдаль, в самое начало платформы, где огромными буквами из металлических блоков значилось одно слово – Москва. Здесь даже воздух был другой, привокзальный воздух Москвы. Подул ветерок, принесший с собой запах легкого дыма, как от березовых поленьев на даче. Подъездные пути вокзала, подобно артериям связывают столицу с другими городами и всями огромной страны. Втянув в себя побольше воздуха пока еще неведанной, но уже явно осязаемой городской среды Москвы, Леночка зашагала по перрону все ближе и ближе к тем самым шести буквам, которые и составляют вместе магическое слово – «Москва».

С помощью прохожих Леночка нашла метро, которое оказалось совсем рядом, буквально при первом повороте на выходе, между Ярославским и Ленинградскими вокзалами. Подойдя к дежурной по станции, Леночка спросила, как ей добраться до института Склифосовского, быстро записала за ней на листок бумаги и пройдя к эскалатору, смело встала на движущиеся вниз ступени. Надо сказать, что это непростое испытание и кто впервые это делает, не каждый переносит со спокойным сердцем. Перед Леночкой, стоящей на самом верху эскалатора, открылась если не бездна, то что-то вроде того, но она лишь крепче сжала рукой поручень, стараясь не смотреть вниз. Москвичам этого не понять, они с самого раннего детства пассажиры подземки, а вот у некоторых гостей столицы, которые впервые попали в метро, случается иногда что-то похожее на шок.

Сойдя с эскалатора, Леночка села в вагон и через несколько остановок с пересадкой доехала до станции «Сухаревская», далее уже на выходе из метро прохожие объяснили ей как добраться до института, оказалось, что это совсем близко, прямо на Садовом кольце. Как историк, Леночка, конечно, знала, что создание странноприимного дома связано с романтической историей любви между графом Николаем Петровичем Шереметьевым и его крепостной актрисой Прасковьей Ивановной Ковалевой, известной под сценическим псевдонимом Жемчугова. Влюбленные обвенчались в 1801 году, однако смерть безжалостно унесла в могилу его любимую. В 1803 году, через две недели после родов Прасковья умерла, оставив графу крошечного сына и наследника.

Странноприимный дом стал памятником этой любви, для строительства граф привлек знаменитого итальянского архитектора Кваренги. В Шереметьевскую больницу везли всех тяжело раненных, которые не могли заплатить за лечение. Сам Шереметьев в Устав больницы заложил правило безвозмездности оказания медицинской помощи.

И вот, Леночка вошла на территорию этого «города в городе», нашла согласно схеме, висящей при входе, место расположения главного корпуса, затем отстояв очередь в справочную, узнала, что врач – реаниматолог Воронцов Олег Геннадьевич на работе, в отделении экстренной помощи, но ее туда никто не пустит, она может дожидаться его в приемном зале перед отделением реанимации. Надо просто сидеть там и ждать, когда он выйдет на встречу с посетителями и родственниками пациентов.

Лена прошла бесконечную череду больничных коридоров и переходов, прежде чем найти этот зал ожидания. Это было довольно большое помещение со стоящими вдоль стен диванами и креслами, обитыми коричневым дермантином. Почти все места были заняты посетителями и лишь одно кресло под раскидистой пальмой в огромной кадке пустовало, в него-то и села Леночка с твердым намерением дожидаться Олега. Главное, что ее кресло под пальмой находилось как раз напротив дверей, над которыми было написано: РЕАНИМАЦИЯ. Сквозь стекло перегородки ей был виден длинный коридор по которому перемещался медперсонал, возились каталки с пациентами и без, короче, шли обычные медицинские будни этой крупнейшей тогда больницы страны на базе скорой помощи.

На больничных часах было двадцать минут первого. Лена ожидала Олега уже почти два часа. Она почувствовала, что ей ужасно захотелось есть, но она усилием воли отогнала от себя чувство голода, твердо уверенная, что стоит ей ненадолго отойти, как он тут ж выйдет, затем уйдет и больше не появится вновь, а она не увидит его и уедет ни с чем, так и не встретившись.

– Нет, буду сидеть здесь до последнего и обязательно дождусь, главное, что он на работе. – Периодически из реанимационного отделения выходили врачи и медперсонал, но Олега не было. Посетители приходили и уходили, одни сменяли других, открывались и закрывались двери служебного лифта, перевозящего сотрудников института, но среди них она так и не увидела его. Прошло еще не менее часа, вдруг дверь реанимационного отделения открылась и из него в белом халате и шапочке вышел Олег и направился прямо к Леночке слегка улыбаясь своей уже такой знакомой улыбкой. А она встала со своего кресла под пальмой, сделала несколько шагов ему навстречу, но он прошел мимо совсем рядом, даже не заметив ее. И тут только Леночка заметила ее, стоящую у окна женщину, к которой направлялся Олег. Просто, но дорого и со вкусом одетая, на ней были светло-бежевые брюки, такого же цвета кашемировая водолазка, через плечо был перекинут палантин в теплой цветовой гамме от бежевого до терракотового цветов, который был ей очень к лицу. На ногах были светлые в тон ботиночки на высоких шпильках. Леночке было все хорошо видно сквозь раскидистые листья, прикрывающей ее пальмы. Она стояла не в силах оторваться от этих двоих, а они стояли и тихо беседовали. Затем Лена ясно увидела, как Олег взял руки женщины в свои руки, они продолжали беседу, а он все не выпускал их из своих рук, а она молча внимательно слушала его. Скупое зимнее солнце вышло из-за туч и на минуту осветило лицо женщины, которое показалось Леночке знакомым, она уже почти не сомневалась, что видит перед собой мать Марины, но женщине на вид было не больше тридцати двух – тридцати пяти лет, а Мариной матери должно быть не меньше сорока, а то и больше... Тут открылась дверь и молоденькая медсестричка произнесла:

– Олег Геннадьевич, подойдите пожалуйста в реанимацию. —

Олег нежно, как показалось Леночке, сжал руки женщины на прощание и быстрыми шагами, проходя мимо Леночки, скрылся за дверью, ведущей в реанимацию.

Лена стояла, как каменный столп и только одна мысль пульсировала в ее голове:

– Он прошел совсем рядом, он смотрел и не видел меня, как будто я предмет или пальма, которая здесь, наверное, со дня основания института. —

Лене захотелось побыстрее уйти, убежать, покинуть это место как можно скорее. Она направилась к выходу и вдруг в дверях лицом к лицу столкнулась с Мариной, которую не видела с окончания школы и которую меньше всего хотела бы сейчас встретить здесь.

Марина сразу узнала Леночку и отступать было уже некуда. Марина удивленно подняв брови, спросила:

– Лена? Лена Крылевская? Что ты тут делаешь? – Она настолько прямолинейно задала свой вопрос, что Лена смутилась и совершенно растерялась, а Марина увлекла ее за собой и подвела к матери.

– Мама, ты помнишь Лену, Лену Крылевскую? Мы учились в одном классе в Вологжанске. – Мама Марины подняла свои прекрасные, но ничего не выражавшие глаза и повисла неловкая пауза. Марине так и не удалось получить от Леночки вразумительного ответа, что она делает в Москве в институте Склифосовского, да и еще в отделении реанимации. Немного помолчав Марина произнесла:

– У меня здесь папа. На Новый год с ним случилось несчастье – инфаркт, если бы в Вологжанске в это время не было нашего знакомого врача-реаниматолога, который спас папу, организовал его доставку в Москву, в институт Склифосовского на реанимобиле, а затем и на вертолете, то папы уже не было бы на свете. Олег, – затем добавила – Олег Геннадьевич спас папу. – В глазах Марины показались слезы, которые она тут же поборол.

– Лена, я тебя сразу узнала, ты совсем не изменилась, хоть и прошло почти пять лет. —

– А ты изменилась, Марина – отозвалась Леночка. – стала очень похожа на свою маму. – И Лена перевела глаза на Маринину маму, нельзя не заметить, что сходство между ними было поразительным.

– Я зашла отдать Олегу Геннадьевичу ключи от его квартиры. Он случайно оставил у нас дома, когда был в гостях у папы. —

– Он был у вас в гостях? – Марина удивленно подняла высокие брови над своими красивыми и так похожими на материнские глазами.

– Да, Олег Геннадьевич давно знаком с папой, он интересуется историей города и происхождением своей семьи, а папа помогал ему с архивами. – Лена раскрыла сумочку и достав из нее связку ключей на красивом брелоке, протянула ее Марине.

– Пожалуйста, отдай ключи Олегу Геннадьевичу и передай ему привет от нашей семьи. – и, развернувшись, Леночка направилась к выходу.

Мама Марины так и не проронившая ни слова, внимательно посмотрела ей в след.

Быстро, почти стремительно пробежав лестничные пролеты и бесконечные коридоры института, Леночка, выхватив из рук гардеробщицы свою шубку, накинула ее даже не застегнувшись на пуговицы, и без шапки выбежала на улицу, как будто вот-вот задохнется в этом огромном здании. Она стала искать выход с территории института и ведомая каким-то судорожным чутьем, увидела служебный проход, перекрытый шлагбаумом. Она проскользнула мимо будки охранника и оказалась на территории большого парка расположенного сразу за институтом.

В парке было тихо и пустынно. Тишину нарушало только карканье ворон, круживших в сером небе над верхушками деревьев. Здесь время, как будто остановилось и застряло между старыми дубами. Как знать, может эти дубы помнят еще самого графа Шереметьева...

Леночка села на лавочку, холодную и влажную и совсем потеряла счет времени, может час прошел, может больше. И тут только она вспомнила, что ей нужно купить билет домой. Она с трудом поднялась с лавочки и уныло побрела как зомби, плохо соображая куда идет. Она инстинктивно шла на шум улиц и вышла на Садовое кольцо по которому неслись бесчисленные машины. Вне своего сознания, она пересекла Садовое кольцо и вышла на большую площадь, посреди которой стояла огромная ель, украшенная красными пластмассовыми звездами и лампами уличных гирлянд. Из репродуктора доносилась музыка какого-то мультфильма, толпился народ, крича бегали дети. Вся эта кутерьма и суматоха напоминала, что праздник продолжается, что сегодня суббота, а завтра – воскресенье, первые выходные наступившего Нового года.

Леночка безучастно брела посреди этой праздной толпы с таким трагическим выражением лица, что нечаянно наткнувшийся на нее парень, даже отпрянул. А она без шапки, которую где-то обронила, с растрепавшимися на зимнем ветру длинными волосами, была и впрямь похожа на зомби. Она не заметила, как прошла станцию метро и все шла, и шла по Садовому кольцу, которое опоясывая весь центр Москвы, как и положено кольцу, замыкается в круг.

И тут ее заметил молодой парень-милиционер на УАЗике. Он вышел из машины и спросил у Леночки, что у нее случилось и чем ей помочь. Она подняла на него почти невидящие глаза и сказала:

– Мне на вокзал надо, на Ярославский. —

Милиционер сказал:

– Садись в машину, это рядом, я довезу. —

В машине было тепло. Леночка ехала молча, милиционер довез ее до вокзала и еще раз поинтересовался, чем ей помочь, но Лена поблагодарив и отказавшись от помощи, пошла к зданию вокзала. Ведомая каким-то внутренним чутьем, она подошла к билетной кассе и купила себе билет в обратный путь. Поезд отправлялся ночью, в 23.50, а на вокзальных часах было 15.18, т.е. у нее почти девять часов ожидания. Вспомнила, что кроме утреннего чая с бутербродом, который она наспех съела в поезде, в ее желудке ничего не было. Но и аппетита тоже не было. Лена хоть и слабо соображала, но понимала, что нужно хоть что-то съесть. Она раскрыла сумку, нашла там бутерброды с колбасой и сыром, завернутые в фольгу, да еще апельсин, о котором забыла.

Сходив в туалет и вымыв руки с обмылком серого цвета, Лена вернулась в вокзальный зал ожидания. Она села подальше ото всех пассажиров, в самый дальний угол, развернула фольгу с бутербродами и заставила себя есть. Она жевала и глотала, не чувствуя вкуса, словно это были камни. Затем достала апельсин и начала чистить его, наполняя цитрусовым ароматом ближайшее вокруг себя пространство. С апельсином было покончено тоже безо всякого удовольствия.

Лена сидела на неудобном вокзальном сидении, прислонясь правой стороной тела к облицованной темным гранитом стене зала ожидания. Прямо напротив нее стоял киоск, торгующий печатной продукцией. Лена встала, купила какой-то журнал, вернулась на свое место, развернула его в надежде что-то почитать и отвлечься от всего и всех, но вдруг к горлу подкатил ком слез, вопреки воли и рассудку слезы брызнули из глаз Леночки, застилая все вокруг. Закрывшись журналом, как спасительным прикрытием, Леночка не стала с ними бороться, она сидела неподвижно и лицо ее было похоже на посмертную маску. А слезы текли и текли. Сколько времени так прошло неизвестно... Когда слезы закончились и высохли на ее лице, на Леночку накатила смертельная усталость, сковавшая ее, и она провалилась если не в сон, то в транс. Ей что-то виделось, временами она открывала глаза, чтобы посмотреть на часы, висевшие напротив, затем вновь проваливалась в состояние полубытья. За огромными окнами вокзального помещения сгущались московские сумерки, ничем не отличавшиеся от вологжанских сумерек, напоминавших Леночке черничный кисель, который варила мама из собранных в лесу ягод черники.

Голос из громкоговорителя сообщил, что объявляется посадка на поезд Москва – Вологжанск, отправляющийся с седьмого пути в 23.50. Слабое сознание донесло до Леночки, что это ее поезд, ей надо идти на седьмой путь и сесть в вагон состава, который отвезет ее домой. Еле поднявшись с неудобного сидения, после девятичасового ожидания, Леночка пошла к седьмому пути подобно сомнамбуле, бредущей среди ночи. Наконец, она вошла в свой вагон, нашла свое место и сразу легла, с головой накрывшись одеялом, поверх которого была ее шуба. Хорошо, что на этот раз у нее была нижняя полка, пусть и плацкарта.

Люди проходили мимо, несли на руках спящих детей, укладывали их, укладывались сами. Лена лежала повернувшись лицом к стенке, не шевелясь и казалось даже не дыша. Вскоре все расположились на своих местах, поезд тронулся в путь и свет в вагоне стал приглушенным.

Светили слабо горевшие лампочки в начале и в конце вагона, и лишь отсветы от путевых фонарей за окнами прорезали темноту поезда, чередуясь со стуком колес. Поезд мерно покачивался и Лена заснула, она спала, как мертвая и даже если бы кто-то ударил над ее головой в гонг, наверное, и это не вырвало бы ее из тяжелого и какого-то нездорового сна, сковавшего все ее тело. Всю ночь она так и пролежала на одном боку, повернувшись к стене и лишь утром, уже на подъезде к Вологжанску, проводница тронула ее за плечо. Опытные глаза сразу определили, что девушка больна и у нее жар. Проводница принесла чай и дала Леночке таблетку аспирина, поинтересовавшись придет ли кто-нибудь ее встречать к поезду. Лена что-то неразборчиво, как в бреду ответила ей, положив послушно в рот таблетку и запив ее горячим чаем. Больше она пить чай не стала, а так и сидела в шубе, уткнувшись в окно. Соседи не стали ее спрашивать и с облегчением вздохнули, когда поезд подъехал к Вологжанску. Все стали выходить и никто не обращал внимания на девушку, сидящую у окна поезда, может она кого-то дожидается и смотрит на платформу, вглядываясь в лица встречающих.

Вскоре вагон опустел, а Леночка все так же сидела, пока ее не увидела проводница и запричитала над ней:

– Милая, да что с тобой? – она тронула ее за плечо, заглядывая в мертвенно бледное лицо девушки. – И что мне с тобой делать... сейчас вызову тебе скорую, пока поезд не отогнали. Ты сиди здесь и жди меня. – и проводница, грузная женщина предпенсионного возраста, тяжело дыша от многолетней отдышки, поспешила на станцию к телефону.

Подъехала скорая, Леночку уложили на носилки и понесли к машине. Она то теряла сознание, то ненадолго приходила в себя. Молоденькая медсестричка, сидящая рядом с ней в машине скорой, успела спросить и записать номер ее домашнего телефона.

Глава 11 Возвращение из небытия

Очнулась Лена в палате больницы и увидела над собой лицо папы с встревоженными, переполненными болью глазами. Лена не сказала, не прошептала, а как-то выдохнула:

– Папа... —

Подошел врач, взял Леночкину руку проверил пульс. Затем сделал какое-то распоряжение медсестре и та подошла сделать укол Леночке. Лена даже не почувствовала боль от тупой иглы. Это сейчас все привыкли к одноразовым шприцам, а тогда иглы по-старинке стерилизовали, кипятя их в металлических коробках. Со временем иглы тупились, причиняя страх и боль пациентам, да и сами иглы были толстые, не то что сейчас – тоненькие и уколы от них не больше комариного укуса.

Лена смотрела на папу и вдруг его образ стал искажаться подобно кругам по воде из-за кинутого в нее камня. Сознание Леночки отключилось и она ушла в другие миры, иногда возвращаясь ненадолго.

В одно из таких «возвращений» она ясно видела перед собой лицо молодого мужчины в белом, ненадолго вышедшее из забвения сознание скользнуло по его лицу и опять погрузилось в небытие. А с уходом сознания перестает существовать и время, а с ним и смысл бытия. Может Бог и наградил людей этим «спасательным кругом» – кратковременным уходом в иные миры, чтобы поблуждав там, снова вернуться и продолжить жить.

Так произошло и с Леночкой. Однажды солнечным и не таким уже зимним утром, она очнулась и пришла в себя в боксе городской больницы. Она лежала в одноместной палате, разглядывая солнечные блики на потолке, они дрожали и обещали скорую весну.

– Сколько я здесь? – первое, что пришло ей на ум. Она вдруг услышала звуки приближающихся голосов и грохот от передвижения больничных тележек, на которых развозят еду по палатам. И еще она почувствовала запах больничной еды, что-то отдаленно напоминавшее кофе, вернее то, что обычно варят в больничных кухнях и называют это кофе. Но Леночка сейчас бы не отказалась и от такого напитка, ей вдруг захотелось есть и пить. Так и лежала она, продолжая рассматривать солнечных зайчиков, с потолка переместившихся на стены покрытые голубой краской.

Вдруг дверь ее палаты открылась и Лена увидела лицо молодого мужчины в белом халате и шапочке, который смотрел на нее ярко-голубыми глазами и счастливо улыбался. Мужчина вошел, и подойдя к лежащей на больничной койке Леночке, радостно произнес:

– Доброе утро, Лена Крылевская, с возвращением! – Это был ее лечащий врач Олег Иванович.

– Олег, опять Олег! – мелькнуло в сознании Леночки, но боли уже не было. Она плохо помнила, как попала в больницу, смутно помнила свою поездку в Москву... Все смешалось в какой-то клубок, где нить событий была потеряна, но это и помогло ей освободиться от боли, свалившей ее тогда в поезде и которая привела и уложила ее на больничную койку.

– Сколько я здесь? – спросила Леночка, глядя в большие голубые глаза врача.

– Да уж скоро месяц. Ох, и задала ты нам всем работы, всю больницу на уши поставила, не хотела приходить в себя и все. Лежала тут, как спящая красавица. —

– Да, уж красавица – подумала про себя Леночка, переводя взгляд на свои бледные и тонкие, как стебли водяной кувшинки руки. Да и рубашка на мне не моя – больничная, старушечья какая-то. —

– Теперь все будет хорошо. – сказал Олег Иванович

– Пойду обрадую ваших родителей, они мне доставили не меньше хлопот, чем вы, особенно папа. Упорно не желал покидать больницу, с твердым намерением остаться здесь жить.

Уж я и так и этак, еле уговорил, они ведь с мамой не отходили от вас первые две недели после реанимации, насилу выпроводил их домой.

– Боже, я уже почти месяц здесь. – Леночке ужасно захотелось увидеть родителей, особенно папу. – А можно им ко мне? – спросила Леночка с тайной надеждой обращаясь к врачу.

– Не только можно, но и нужно и даже необходимо. – заверил Олег Иванович и весело подмигнул ей. – Сейчас будете завтракать, Вам необходимо подкрепиться, а я пошел звонить родителям. – и, улыбнувшись своей, какой-то особенно-светлой улыбкой, он поправил на голове чуть съехавшую на затылок белую медицинскую шапочку и тут Лена увидела у него на правой руке обручальное кольцо и от этого почему-то стало немного грустно.

– Он женат, такой веселый, молодой, голубоглазый! Тот, кто был с ней весь этот месяц, спасал ее, не отходил от нее... О, Боже, и почему?.. Я бы смогла полюбить его, я это сразу почувствовала. Мне не нужны для этого годы, не нужны свидания под Луной, мне кажется, я все про него знаю... – говорило Чувство.

– Прекрати, не уносишь в свои романтические фантазии, не накручивай себя – твердил Разум. – ты только что вернулась с того света, тебе, что мало? —

На этот раз Чувство согласилось с Разумом и Лена уравнивала свои внутренние веса.

Двери открылись и в палату въехала тележка с дымящейся кашей и так называемым кофе. Молоденькая, в белом переднике и косынке санитарочка поставила на тумбочку рядом с Леночкой все эти «яства». Кроме «кофе» и манной каши был еще хлеб с кубиком сливочного масла и небольшой треугольничек сыра. Санитарочка улыбнулась, затем, закрыв за собой дверь, покатила грохочущую тележку по больничному коридору в другие палаты. Каша была горячей. Леночка, взяв большую алюминиевую ложку, зачерпнула ею кашу и отправила в рот, так она и съела почти все. Затем отпила пару глотков «кофе», размазала на хлебе той же ложкой масло и начала есть, но без «кофе». Его она была не в силах пить, хотя отпила все же еще пару глотков, чтобы хоть чуть-чуть наполниться влагой. Во рту ощущалась горечь и какой-то привкус, видимо, от лекарств.

После завтрака Лена встала и медленно подошла к небольшому зеркалу, висящему над раковиной. Лена глянула на себя в зеркало, на нее смотрело ее отражение. Леночка понимала, что это она, но девушка в зеркале была ей почти не знакома.

– Неужели это я? – Круги под глазами и почерневшие, местами растрескавшиеся губы. Лена потрогала их и впервые ощутила боль, до этого боль она не чувствовала, она за этот месяц отвыкла от прикосновений и потеряла некоторую чувствительность.

– Может это от лекарств которыми меня потчевали весь этот месяц? – задалась вопросом Леночка. Раздался стук в дверь и знакомый уже голос врача Олега Ивановича спросил за дверью:

– Можно войти? —

– Секундочку. – ответила Леночка, быстро юркнула в постель и натянула одеяло до подбородка, отчего-то застыдясь.

– Господи, я в такой короткой рубашке, он наверняка видел меня всякую... (памперсов тогда и в помине не было, тем более в провинциальных больницах.) От одной этой мысли Леночка зарделась.

– Войдите – сказала она.

Врач вошел и сообщил ей, все также улыбаясь, но теперь уже какой-то смущенной улыбкой:

– Ваши родители скоро приедут, они очень рады и соскучились. Я тоже очень рад, мне нравится, что Вы улыбаетесь, Лена. Постарайтесь и с ними побольше улыбаться. – с этими словами он закрыл за собой дверь.

Лена лежала и ждала, ей казалось, что она не видела родителей вечность.

– И почему так? Я не чувствовала ход времени пока была без сознания. А вот родителей, как будто вечность не видела... все же интересно устроен мозг человека. – размышляла Леночка.

Вдруг в дверь опять постучали, она распахнулась, на пороге стояли ее родители – мама с папой, такие смущенно-притихшие, будто пришли не к своей дочери, а к вернувшейся из космоса астронавтке.

Лена села на кровать и протянув к ним руки, позвала:

– Мама, папа – Родители в одно мгновение оказались около нее. Все трое они обнялись в каком-то странном сплетении рук и слезы полились у всех троих. Не в силах остановить эти потоки, Леночка первая произнесла:

– Не будем плакать, я жива, хорошо себя чувствую и Олег Иванович просил меня улыбаться вам, а мы все режем. – Вытерев рукой слезы, Леночка посмотрела на родителей и сказала:

– Как же я соскучилась по вам, как я хочу домой! —

Выписали Леночку через неделю и десятого февраля она была дома. Она смогла влиться в институтский ритм, наверстав упущенное во время болезни. Это было нетрудно для нее, уровень ее знаний был несравнимо выше чем у среднестатистического студента. Преподаватели знали это и красный диплом был Леночке гарантирован. И дело было вовсе не в фамилии ее отца – известного историка-краеведа, сама Леночка являла собой образец студентки, серьезно увлеченной наукой. Ее с нетерпением ждут в родной школе, теперь городской гимназии №2, старейшей в городе. В институте уговаривают остаться на кафедре и продолжить обучение в аспирантуре.

Дома тоже все потихоньку наладилось, только стало как-то тише, даже мама притихла и старалась не докучать Леночке своими расспросами, – Наверное, Олег Иванович провел с ней беседу. – подумалось Леночке.

Как оказалось, Олег учился у папы, когда тот устроился на пол ставки преподавателя истории в его школу.

– Бедный папа, он всю жизнь ищет какие-то подработки, вечно куда-то спешит. А в последнее время как-то осунулся и похудел. Это я во всем виновата, он не выходил из больницы, пока я была в коме. У мамы более устойчивая нервная система, по ней не скажешь, что она тоже переживала за меня и в больнице сменяла папу. Женщины – живучие существа. Я тоже женщина, хоть еще и не совсем. Кома все выбила из меня, если б не кома, я бы все еще страдала и мучилась. А сейчас мне все произошедшее кажется каким-то давним сном, будто это все случилось и не со мной, а с какой-то другой девушкой. —

При выписке из больницы Олег Иванович рекомендовал больше гулять, особенно по вечерам ей, а также папе. Леночка вспомнила, как он глянул тогда на папу, а тот согласно, почти по-детски, кивнул ему в ответ. И они стали гулять с папой перед сном. Мама не захотела присоединиться к ним. В это время она смотрела по телевизору программу «Время» и ни за что не желала пожертвовать ей, пусть даже и во благо здоровья.

– Я из вас самая крепкая – заявила мама так уверено, что все доводы и аргументы в пользу здорового образа жизни растаяли в воздухе. Лена и папа гуляли по улицам их старинного города, где папа знал каждый дом, кем и когда он был построен, кто был прежним владельцем, знал старые названия улиц, переименованных после революции.

На одной из таких ежевечерних прогулок, посреди сумерек их окликнули:

– Николай Константинович, Лена! – перед ними возник Олег Иванович с молодой женщиной, держащей его под руку. – Познакомьтесь, моя жена Ирина. – представил женщину Олег Иванович. – Вижу, что вы выполняете мои рекомендации. Как себя чувствуешь, Лена? – Олег внимательно заглянул в лицо Леночки, освещенное уличным фонарем.

– Спасибо, все хорошо. – слабо улыбнулась в ответ Леночка.

– Мы тоже гуляем, – смущенно произнес Олег Иванович и тогда Леночка заметила, что его жена на последнем сроке беременности. Пальто на ней было застегнуто только на три верхние пуговицы и полы его расхотелись.

– Я помню ваши уроки, было так интересно, что я даже захотел стать историком, как Николай Константинович, но родители все же уговорили поступать в медицинский. —

– И правильно сделали, теперь мы имеем замечательного врача в городе. Знаем куда нам обращаться, если что. – с грустной улыбкой заметил папа.

– Жаль, что в нашей горбольнице нет достойного оборудования, многое приходится делать по старинке, дедовскими методами. – еще грустнее ответил Олег Иванович. Затем они распрощались и разошлись в противоположные стороны.

Молчание прервал папа:

– Я совсем немного проработал в школе, а учеников, как оказалось, у меня не так уж и мало и, главное, помнят. Жаль, что я его совсем не помню. – Лена молча шла под руку с отцом, вспоминая счастливые лица молодой пары – Олега и Ирины.

– Сколько ей лет? Наверное, моя ровесница, мне уже двадцать два. Жаль, что мой День рождения прошел в больнице, вернее его у меня совсем не было, я еще пребывала в коме. Олег вытащил меня оттуда. Один Олег загнал, а другой Олег вытащил и оба врачи.

Глава 12 Потеря папы

Как-то среди ночи Лена проснулась и пошла в туалет. На кухне горел свет и пахло корвалолом. У ночного окна стоял папа, который был похож на ребенка, застигнутого врасплох за поеданием сладкого. В руках у папы была рюмка с накапанным в нее корвалолом. Сон мгновенно слетел с Леночки.

– Папа, что с тобой? Я вызову скорую. – Лена дернулась к телефону. Но папа положил свою руку на аппарат.

– Не надо, дочка, уже все прошло. Все хорошо. Спи, не волнуйся, тебе нельзя. – сказал папа, уходя с кухни в спальню, этот случай заставил Леночку повнимательней приглядываться к папе. Она настояла, чтобы он посетил врача и даже сама хотела позвонить Олегу Ивановичу, чтобы лично отвести к нему в больницу папу. Но папа напомнил, что ему уже сорок семь лет, он не маленький, но и не настолько старый, чтобы дочь ходила с ним по врачам. Он умел подобрать нужные аргументы и успокоить дочь. Делал он это мягко, деликатно, но решительно и Леночка послушалась его. Она окунулась в круговорот студенческой жизни, последнего этапа перед защитой диплома.

22 апреля – День рождения Ленина. Леночка с детства помнила торжественные школьные линейки и песни, посвященные Вождю революции, с утра звучащие по радио. Этот день стоял особняком в советском календаре, хоть и не был выходным. А к началу 90-х пафос этого праздника, так и не ставшего общенародным, сошел на нет. Но папа иногда позволял себе, отрывая листок настенного календаря и усиленно изображая из себя оперного певца, зычным голосом пропевать: – Ленин всегда живой, Ленин всегда со мной, в горе, в надежде и в радости... – отношение к Ленину было у него всегда, даже до «Перестройки», как к злему гению. Папа никогда не был коммунистом и даже не стремился в партийные ряды, в отличие от мамы, та в вопросах идеологии чувствовала свое превосходство над ним, но дома они никогда не устраивали политические дебаты, избавив дочь от подобного. Папа был скорее аполитичен, во внутренней эмиграции от идеологии компартии.

И вот в один из таких дней, 22 апреля 1993 года, папа прилег в спальне. Было позднее утро или ранний день, часов двенадцать. Солнце заливало все окна квартиры. Мама загрузила стиральную машину бельем, а когда часа через полтора она остановилась, выполнив свою работу по обеспечению семьи чистым бельем, мама сложила отстиранное в большой пластиковый таз и попросила Леночку развесить вещи для просушки на лоджии. Лоджия была в спальне, где отдыхал папа. Леночка тихонько на цыпочках вошла и стараясь не разбудить папу, выскользнула на лоджию.

Солнечные лучи были уже горячи и обещали все быстро высушить. Развесив по веревкам вещи, Леночка тихонько вернулась с лоджии в спальню и только тогда заметила темные пятна на папином лице. Глаза были закрыты, лицо спокойное, казалось он спит. Лена взяла папу за руку, которая лежала вдоль его тела, рука была холодная. Первый раз Лена воочию видела смерть, смерть любимого и близкого ей человека. Ведь только сегодня утром он пил с ними чай и даже затынул свое традиционное о вечно живом Ленине... Как тонка грань между жизнью и смертью. Лена сидела так, пока не услышала за дверью голос мамы:

– Лена, что ты так долго? – Мама приоткрыла дверь и увидела лежащего на их кровати папу и сидящую возле него дочь, всю в слезах с мертвенно-бледным лицом.

Мама инстинктивно закрыла дверь в надежде, открыв ее вновь, не увидит этой картины, как будто ей все это привиделось.

Тут Лена разрыдалась в голос, словно в ней сработал спусковой крючок, ранее сдерживавший ее. Эмоции захлестнули и Лена упала ничком на папу, стала трясти его, как будто в ее силах было разбудить его от вечного сна.

Подошла мама и увела Лену в ее комнату, строго приказав оставаться в ней, а сама пошла звонить, чтобы вызвать врача и милицию, что всегда делается в подобных случаях.

Мама звонила, им звонили. Лена слышала, как кто-то приходил к ним в квартиру, кто-то уходил. Она так и ни разу не вышла, даже когда приехала машина и увезла папу в морг городской больницы. Лена лежала не шевелясь и тупо глядя в потолок. Время замерло и остановилось. А за окном нехотя и лениво опускались прозрачные весенние сумерки, солнце словно медлило уходить с горизонта. Оно, скованное долгой зимой, почувствовало себя свободным и отчаянно не хотело покидать небо.

А для папы завтра не наступит никогда. У Леночки больно сжалось сердце. Какое ужасное начало нового 1993 года. И вправду, как встретишь Новый год, таким он и будет. Леночке вдруг вспомнился ее несчастливый Новый год, Олег, поездка в Москву, больница, тревожные папины глаза. Но все это несравнимо с тем, что произошло сегодня. Все можно пережить, кроме смерти. И хоть взрослея, человек свыкается с мыслью, что он не вечен и смерть неизбежна, все же ее невозможно понять, пока не встретишься с ней вот так неожиданно. Она пришла не предупредив, чтобы забрать с собой папу. А ведь ему всего сорок семь! И слезы опять взяли верх и захватили Леночку целиком. Она лежала неподвижно, а они лились из ее глаз, но ни один мускул на ее лице не дрогнул, она одеревенела вся и лишь подушка заметно намочила от ее слез.

Под утро, когда чуть забрезжил рассвет, Леночка провалилась в спасительное забытие, там ей казалось, что все хорошо, она видела папу, он шутил и улыбался ей. И лишь очнувшись утром, Лена поняла, что это был сон, а реальность такова, что папы больше нет.

Выйдя из комнаты, она заметила, что зеркала закрыты покрывалами и даже люстра в гостиной была задрапирована черной тканью. На кухне сидели мамыны подруги: Лилия Викторовна и Вера Николаевна и почему-то парикмахерша Ольга Семеновна, увидев которую Леночка вернулась в реальность, до этого ей казалось, что все происходящее вокруг сон и стоит ей проснуться, как все будет в ее жизни по-старому и только теперь она поняла, что это не сон, а факт, аксиома – папы больше нет и никогда не будет. И с этим надо продолжать жить дальше.

Как бы не недолюбливала Леночка Ольгу Семеновну, она не могла не признать, что именно Ольга Семеновна взяла на себя хлопоты по организации похорон папы. Родственники мамы жили далеко, в Сибири и приехать не могли, а у папы вообще никого из родни не осталось, кроме троюродной сестры, часто болеющей тети Насти, и ее дочери Нины. Так, что помощь Ольги Семеновны была очень кстати, она даже привлекла своего единственного племянника Алексея, который был старше Леночки на два года и уже работал инженером на заводе, после окончания института. Отец Алексея погиб в Афганистане, когда сыну было лет десять. Мать Ксения работала на заводе нормировщицей, получала сущие гроши, государство платило небольшую пенсию на Алексея, но матери очень хотелось дать сыну высшее образование. Помогала бездетная сестра – Ольга Семеновна, которая к тому времени овдовела. Ольга ходила по домам, делала химию, стригла, красила волосы дамам, в основном «Бальзаковского возраста», ее многолетние клиентки знали о непростой доли сестры парикмахерши, предлагали для осиротевшего подростка Алексея что-то из вещей, оставшихся от выросших детей. Некоторые вещи Ольга приносила в дом Ксении, которая все отстирывала, а бывало и латала.

Алексею было очень стыдно носить ношенную одежду и даже обувь, но понимая всю тяжесть на плечах матери, успокаивал себя тем, что когда он закончит институт и получит профессию инженера, то на свою первую зарплату купит новое пальто себе и матери, сэкономившей каждую копейку и только в очень редких случаях занимавшей у сестры деньги, которые всегда и вовремя отдавала. Но сама Ольга Семеновна искренне верила, что оказывает сестре и племяннику неоценимую помощь и они должны никогда не забывать это и всю жизнь быть благодарны ей.

Институт, наконец-то, был успешно закончен, Алексей трудоустроен на должность инженера на заводе, но в стране грянула «Перестройка», зарплаты стали задерживать, оборонные заказы сокращались по причине демилитаризации и конверсии, цеха закрывались, люди уходили в бессрочные отпуска. Многие уезжали в деревни, где сажали овощи-фрукты, чтобы как-то прокормиться.

Все надежды Алексея на материальную независимость и благосостояние их маленькой семьи развеялись под ветрами перемен. А тут еще грянула «Павловская реформа», превратившая в прах все сбережения прижимистой Ольги Семеновны и сделала ее в одночасье нищей, да если бы ее одну... Сколько их было по всей стране таких, потерявших все и сразу. Впервые материальное положение сестер сравнялось с моральным превосходством Ксении, все ее скромные средства были вложены в образование сына, а сберкнижки у нее отродясь не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.